

Докторъ Штокманъ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ

Генрика Ибсена.

Переводъ Н. Мировичъ.

Къ представленію дозволено безусловно, см. „Правительст. Вѣстн.“ 1891 г. № 120.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Докторъ Томасъ Штокманъ, главный врачъ при морскихъ купаньяхъ.

Г-жа Штокманъ—его жена.

Пэтра—дочь ихъ, учительница.

Эйлифъ } сыновья ихъ, мальчики 13-ти лѣтъ.
Мортэнъ }

Пэтеръ Штокманъ, старшій братъ доктора Штокмана, бургомистръ, предсѣдатель комитета морскихъ купаній и проч.

Мортэнъ Киль, хозяинъ кожевеннаго завода, пріемный отецъ г-жи Штокманъ.

Гофстадъ, издатель «Народнаго Вѣстника».

Биллингъ, сотрудникъ «Народнаго Вѣстника».

Горстеръ, капитанъ корабля.

Аслаксэнъ, типографщикъ.

Горожане, участвующіе въ собраніи, мужчины разныхъ сословій, нѣсколько женщинъ, школьницы. Драма происходитъ въ городѣ, на южномъ берегу Норвегіи.

А К Т Ъ П Е Р В Ы Й.

Вечеръ. Гостиная въ домѣ доктора Штокманъ, просто, но чисто и уютно убранная. Направо двѣ двери; одна ведетъ въ кабинетъ доктора, другая въ переднюю. Съ противоположной стороны, противъ двери въ переднюю—дверь, которая ведетъ въ другія комнаты. Съ этой же стороны—каминъ; ближе къ авансценѣ диванъ; надъ нимъ виситъ зеркало, передъ нимъ столъ, накрытый скатертью. На столъ зажжена лампа съ абажуромъ. Со стороны задней стѣны, отворенная дверь ведетъ въ столовую, идъ виднѣется столъ, накрытый къ ужину и освѣщенный лампой.

За столомъ сидитъ Биллингъ. Г-жа Штокманъ стоитъ у стола и падаетъ ему тарелку съ большимъ ломтемъ ростбифа.

Остальныя мѣста вокругъ стола не заняты. На столъ безпорядокъ.

Г-жа Штокманъ. Ну, вотъ, — вы опоздали

на цѣлый часъ, Биллингъ, — и приходится вамъ помириться съ холоднымъ ужиномъ.

Биллингъ (пролатывая кусокъ ростбифа). Ростбифъ превосходный.

Г-жа Штон. Вы знаете, — Штокманъ требуетъ, чтобы все подавалось въ опредѣленные часы.

Бил. Да право же нѣ это все равно. Аппетитъ какъ будто бы еще прибавляется, когда сидишь одинъ и ѣшь себѣ всласть.

Г-жа Шток. Тѣмъ лучше, если такъ... (*Прислушиваясь въ сторону передней.*) А это какъ будто идетъ Гофстадъ.

Бил. Весьма возможно.

(*Бургомистръ Штокманъ входитъ въ палату, въ форменной фуражкѣ съ золотымъ инуromъ и съ тростью въ рукѣ.*)

Бургомистръ. Добраго вечера, невѣстка.

Г-жа Шток. (*входя въ юстицию.*) Агъ, это вы? Добраго вечера. Какъ хорошо, что вы вздумали зайти къ намъ.

Бург. Я проходилъ мимо и... (*взглядывая по направлению къ столовой.*) Ва! Да у васъ, кажется, гости.

Г-жа Шток. (*смежа смущенная.*) О нѣтъ! Это случайно зашелъ одинъ знакомый. (*Постынно.*) Не хотите ли закусить чего-нибудь?

Бург. Ну, нѣтъ. Благодарю покорно. Боже мой, — жаркое вечеромъ! Это нѣ совсѣмъ не по желудку.

Г-жа Шток. Ну, вѣдь одинъ разъ не въ счетъ...

Бург. Нѣтъ, нѣтъ, очень вамъ благодаренъ. Я придерживаюсь чая и хлѣба съ масломъ. Оно много полезнѣе и, въ общемъ, нѣсколько экономнѣе.

Г-жа Шток. (*улыбаясь.*) Ужъ не подумайте, что мы съ Томасомъ склонны къ мотовству.

Бург. Вы, — нѣтъ, невѣстка; васъ я и не думаю упрекать. (*Указывая на кабинетъ доктора.*) А его нѣтъ дома?

Г-жа Шток. Нѣтъ, онъ вышелъ пройтись послѣ ужина, — съ мальчиками.

Бург. Неужели онъ находитъ это полезнымъ? (*Прислушиваясь.*) А, вотъ и онъ самъ.

Г-жа Шток. Нѣтъ, это не онъ. (*Стучатъ въ дверь.*) Войдите. (*Гофстадъ входитъ изъ передней.*) А! Г-нъ Гофстадъ!...

Гофстадъ. Прошу извиненія; меня задержали въ типографіи. Здравствуйте, г-нъ Штокманъ.

Бург. (*кланяясь довольно сухо.*) Мое почтеніе, г-нъ Гофстадъ. Вы, вѣроятно, по дѣлу?

Гофс. Да, отчасти. По поводу газеты.

Бург. Я такъ и полагаю. Кажется, братъ мой весьма усердный сотрудникъ «Народнаго Вѣстника»?

Гофс. Да, онъ охотно обращается къ «Вѣстнику», когда желаетъ высказать и по поводу какого-нибудь спеціальнаго вопроса.

Г-жа Шток. (*обращаясь къ Гофстаду.*) Не угодно ли вамъ?... (*Указываетъ на столовую.*)

Бург. Боже меня сохрани порицать его за то, что онъ пишетъ для того разряда читателей, которому онъ болѣе всего сочувствуетъ. Да, лично, г-нъ Гофстадъ, я не имѣю причи-

ны относиться недоброжелательно къ вашей газетѣ.

Гофс. Полагаю, что нѣтъ.

Бург. Въ общемъ, городъ нашъ отличается взаимной терпимостью, — прекрасный общественный духъ. Дѣло въ томъ, что насъ соединяетъ великій общій интересъ, — интересъ, который равно затрагиваетъ всѣхъ благонаимѣренныхъ гражданъ.

Гофс. Это вы говорите о морскихъ купаньяхъ?

Бург. Да, о нашихъ великолѣпныхъ новыхъ купаньяхъ. Вы увидите, г-нъ Гофстадъ! Вся городская жизнь сосредоточится около этихъ купаній, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!

Г-жа Шток. Тоже говорить и Томасъ.

Бург. Какъ изумительно поднялся городъ, даже за послѣднія нѣсколько лѣтъ! Деньги, постоянно обращающіяся, внесли съ собой движеніе и жизнь. Съ каждымъ днемъ поднимается цѣнность домовъ и поземельныхъ доходовъ.

Гофс. И заработокъ дѣлается все менѣе и менѣе недоступнымъ.

Бург. Правда. Подати состоятельныхъ сословій уже значительно облегчились; и снѣ еще болѣе понизятся, если лѣто будетъ удачное, если много будетъ посѣтителей, — больныхъ, которые поднимутъ славу нашихъ купаній.

Гофс. Кажется, на это есть большія надежды.

Бург. Да. Дѣло принимаетъ благоприятный оборотъ. Ежедневно прибываютъ запросы относительно помѣщеній и т. п.

Гофс. Бъ такомъ случаѣ, статья доктора явится весьма кстати.

Бург. А онъ еще написалъ?

Гофс. Это статья, написанная еще зякомъ; статья, гдѣ восхваляются купанья и описываются прекрасныя санитарныя условія города. Но въ то время я попридержалъ её.

Бург. А, а! Вѣроятно была маленькая загвоздка?

Гофс. О нѣтъ! Но я предпочелъ оставить статью до весны, когда всѣ начинаютъ подумывать о лѣтнихъ дачахъ.

Бург. И вы были правы, вполне правы, г-нъ Гофстадъ.

Г-жа Шток. Да, Томасъ неутончилъ, когда дѣло идетъ о нашихъ купаньяхъ.

Бург. Что-жъ, оно понятно; вѣдь онъ одинъ изъ пайщиковъ.

Гофс. И къ тому же, ему принадлежитъ честь созданія нѣ.

Бург. Вы думаете? Я знаю, есть лица, раздѣляющія это мнѣніе. Между тѣмъ, казалось бы, и нѣ принадлежитъ нѣкоторое участіе въ этомъ предпріятіи.

Г-жа Шток. Конечно. То же говорить всегда и Томасъ.

Гофс. Да кто же отрицаетъ это, г. Штокманъ? Вы направили дѣло и дали ему прак-

тическое обоснованіе; это извѣстно всѣмъ. Я хотѣлъ только сказать, что первоначальная идея его принадлежить доктору.

Бург. Да, у брата моего не мало было идей въ свое время,—къ сожалѣнію! Но когда наступаетъ время осуществить ихъ, г-нъ Гофстадъ, тогда требуются люди иного закала. Я не ожидалъ, что и здѣсь...

Г-жа Шток. Но, дорогой мой зять...

Гофс. Увѣряю васъ, г-нъ Штокманъ...

Г-жа Шток. Вы бы закусили чего-нибудь, г-нъ Гофстадъ; ну жъ сейчасъ возвратится.

Гофс. Благодарю; развѣ немного. *(Уходитъ въ столовую.)*

Бург. *(вспомогая)*. Удивительно, какъ люди, происходящіе изъ низшаго сословія, всегда отличаются отсутствіемъ такта.

Г-жа Шток. Но зачѣмъ же вамъ принимать это къ сердцу? Неужели вы съ Томасомъ не можете братски подѣлиться между собой чести этого дѣла?

Бург. Да, казалось бы такъ; но, повидному, не всѣ желаютъ дѣлиться этой честью.

Г-жа Шток. Что за мысль! Вы оба такъ ладите другъ съ другомъ. *(Прислушиваясь.)* Но вотъ, кажется, и онъ.

(Идетъ и открываетъ дверь въ переднюю.)

Док. Шток. *(за дверью, смѣется и громко говоритъ)*. Вотъ тебѣ новый гость, Катерина. Ты рада, а? Милости просимъ, капитанъ Горстеръ. Повѣсьте ваше пальто на гвоздь. Что? Вы пришли безъ верхняго платья? Представь, Катерина, я поймалъ его на улицѣ, и едва убѣдилъ зайти къ намъ. *(Капитанъ Горстеръ входитъ, кланяясь и жетъ Штокманъ. Докторъ останавливается у порога двери.)*

Входите же, дѣти. Они опять проголодались! Милости просимъ, капитанъ; вы должны отвѣдать нашего ростбифа... *(Увлекаетъ Горстера въ столовую. Эйлифъ и Мортэнъ слѣдуютъ за ними.)*

Г-жа Шток. Томасъ, развѣ ты не видишь...

Док. Шток. *(обертываясь на порогъ двери)*. Ва! это ты, Петеръ? *(Подходитъ къ нему и протягиваетъ руку)*. Спасибо, что вспомнилъ о насъ.

Бург. Къ сожалѣнію, я долженъ сейчасъ уйти.

Док. Шток. Пустое! Сейчасъ подадутъ грогъ. Ты вѣдь не позабыла о немъ, Катерина?

Г-жа Шток. Конечно нѣтъ; вода уже кипитъ. *(Идетъ въ столовую.)*

Бург. Какъ и грогъ...?

Док. Шток. Да, да; присаживайся, давай выпьемъ за компанію...

Бург. Благодарю; я никогда не участвую въ попойкахъ.

Док. Шток. Да какая же это попойка?

Бург. Казалось бы... *(Взглядываетъ въ сторону столовой.)* Изумительно, какъ они могутъ поглащать всѣ эти яства.

Док. Шток. *(протирая руки)*. Да, неправда ли,—весело смотрѣть какъ ѣсть эта наложка! Вѣчно голодные! Такъ оно и должно быть! Ихъ надо побольше ѣсть,—набираться побольше силъ! Кому же, какъ не мнѣ, хранить закваску будущаго времени, Петеръ.

Бург. Позволь спросить, что значитъ «хранить закваску будущаго времени», какъ ты выражаешься?

Док. Шток. Спроси у молодого поколѣнія,—когда настанетъ минута. Намъ съ тобой конечно не увидѣть то время. Два старухъ колпака, какъ ты, да я...

Бург. Какія странныя выраженія...

Док. Шток. О, не обращай вниманія на мое вранье, Петеръ. Видишь ли,—я въ такомъ великолѣпномъ настроеніи! Я такъ невыразимо счастливъ среди всей этой новой, зарождающейся жизни! Въ сущности, вѣдь мы живемъ въ чудное время! Слово цѣлый новый міръ вырастаетъ вокругъ насъ.

Бург. Ты думаешь?

Док. Шток. Конечно, ты не можешь видѣть это также ясно, какъ я. Ты всю жизнь провелъ въ суетѣ мірской; а это притупляетъ впечатлѣнія. Но меня, прозябшаго всѣ эти годы въ глуши, на сѣверѣ, не вида почти ни одного живого человѣка, ве слыша живого слова,—меня все это поражаетъ такъ, какъ еслибы я попалъ въ самый центръ великой столицы...

Бург. Гм.—столицы...

Док. Шток. О, я прекрасно знаю, что здѣсь глушь, сравнительно съ другими мѣстами. Но есть задатки для будущаго,—насса вещей, для которыхъ стоитъ работать и трудиться; а это самое главное. *(Зоветъ)*. Катерина,—а что не было пива?

Г-жа Шток. *(изъ столовой)*. Нѣтъ, ни одного.

Док. Шток. А потонъ, много значать и обезпеченныя средства, Петеръ! Нельзя не оцѣнить этого, когда цѣлые годы прожилъ на голодное жалованье.

Бург. Боже, какъ ты выражаешься!..

Док. Шток. О я не преувеличиваю! Не легко жилось намъ тамъ. За то, теперь мы можемъ жить по царски! Сегодня, напримѣръ, у насъ былъ за обѣдомъ ростбифъ, и отъ него еще осталось къ ужину. Не хочешь ли попробовать? Попробуй,—ты хоть полюбуешься имъ!

Бург. Нѣтъ, нѣтъ; благодарю...

Док. Шток. Ну такъ посмотри сюда. Видишь,—мы купили скатерть на столъ...

Бург. Да, я это замѣтилъ.

Док. Шток. И абажуръ также. Видишь? Катерина откладывала для этого деньги. Скатерть и абажуръ придаютъ уютный видъ конатъ, не правда-ли? Вотъ подойди сюда. Нѣтъ, нѣтъ, не такъ! Вотъ взгляни отсюда,—какое яркое, веселое освѣщеніе! Правда, какъ славно стало у насъ?

Бург. Конечно, когда можешь позволять себѣ подобную роскошь...

Дом. Шток. О, да, теперь я могу позволять это себѣ. Катерина говоритъ, что я зарабатываю почти столько же, сколько мы тратимъ...

Бург. Да, почти!

Дом. Шток. При томъ, человекъ науки можетъ позволить себѣ порядочную обстановку. Я думаю, какой-нибудь шерифъ тратитъ ежегодно гораздо болѣе чѣмъ я.

Бург. Еще бы! Членъ высшей администраціи!

Дом. Шток. Ну, возьми хоть любого купца! И онъ тратитъ куда больше...

Бург. Это понятно, при различіи въ вашихъ положеніяхъ...

Дом. Шток. Да вѣдь на самоѣ то дѣлѣ, я ничего не трачу зря, Петеръ. Но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи жить въ обществѣ. Общество необходимо мнѣ. Проживши такъ долго въ полномъ одиночествѣ, я чувствую жизненную потребность видѣть вокругъ себя веселую, бодрую, свободолюбивую и трудящуюся молодежь: таковы всѣ эти молодые люди, которыхъ ты видишь здѣсь. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты поближе узналъ Гофстада.

Бург. Ахъ, кстати о Гофстадѣ. Онъ говоритъ, что собирается напечатать еще одну твою статью.

Дом. Шток. Мую статью?

Бург. Да, по поводу купаній. Это статья, которую ты написалъ прошлой зимой...

Дом. Шток. А, эта-то! Но я не желаю, чтобы она была напечатана теперь.

Бург. Почему же? Мнѣ кажется, теперь то самое время.

Дом. Шток. Весьма возможно, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.*)

Бург. (*глядитъ за нимъ взглядомъ*). А что же есть особеннаго въ настоящихъ обстоятельствахъ?

Дом. Шток. (*останавливаясь*). Петеръ, я не могу сказать это тебѣ теперь; во всякомъ случаѣ, не сегодня вечеромъ. Многое, въ настоящихъ обстоятельствахъ, можетъ оказаться необычайнымъ. Съ другой стороны, быть можетъ ничего и нѣтъ. Весьма вѣроятно, все это — лишь одна моя фантазія.

Бург. Ты говоришь загадками. Развѣ есть что новое? Что-нибудь, что должно быть скрыто отъ меня? Я полагаю, что, какъ предсѣдатель комитета Купаній...

Дом. Шток. А я полагаю, что я, какъ... Но прекратимъ этотъ разговоръ, не будемъ хохотаться, Петеръ.

Бург. Воже сохрани! Я не имѣю привычки «хохотаться», какъ ты выражаешься. Но я долженъ блюсти, чтобы все велось законнымъ порядкомъ, черезъ посредство административныхъ властей. Я не могу принимать участія въ скрытномъ и непрямомъ образѣ дѣйствій.

Дом. Шток. Какъ,—это я те прибѣгаю къ скрытному и непрямому образу дѣйствій?

Бург. Во всякомъ случаѣ, у тебя врожденная склонность къ своевольному образу дѣйствій. А допускать это въ правильно-организованной общинѣ,—невозможно. Индивидуальная личность должна подчиняться обществу или, точнѣе выражаясь,—авторитетамъ, на которыхъ лежитъ обязанность слѣдить за благосостояніемъ общества.

Дом. Шток. Допустимъ, что такъ. Но, чертъ побери,—какое отношеніе имѣетъ это ко мнѣ?

Бург. Въ томъ то и дѣло, милѣйшій Томасъ, что ты никогда этого не поймешь. Но берегись; рано или поздно, тебѣ придется за это заплатить. Мое дѣло — предостеречь тебя. Прощай.

Дом. Шток. Да, что ты, совсѣмъ съума спятилъ? Ты жестоко заблуждаешься...

Бург. Я, вообще, рѣдко заблуждаюсь. Къ тому же, я попрошу тебя прекратить... (*Кланяясь по направленію столовой.*) Прощайте, невѣстка; прощайте, господа. (*Уходитъ.*)

Г-жа Шток. (*входя въ столовую*). Ушелъ?

Дом. Шток. Да, и въ очень желчномъ настроеніи.

Г-жа Шток. Что это значитъ, милый Томасъ, что еще наговорилъ ты ему?

Дом. Шток. Ровно ничего. Не можетъ же онъ требовать, чтобы я во всемъ отдавалъ ему отчетъ... прежде времени.

Г-жа Шток. О какомъ отчетѣ говоришь ты?

Дом. Шток. Гм! Не спрашивай объ этомъ, Катерина. Какъ странно, что нѣтъ писемъ.

(*Гофстадъ, Биллингъ и Горстеръ встали изъ-за стола и выходятъ въ гостиную, въ сопровожденіи Эйлифа и Мортэна.*)

Биллингъ (*потливаясь*). Уфъ! провалился я на нѣствѣ, чувствуешь себя словно новымъ человеконъ послѣ такого пира.

Гофс. А бургомистръ сегодня не въ особенно веселомъ настроеніи духа.

Дом. Шток. Это все его желудокъ. Онъ плохо перевариваетъ.

Гофс. Всего труднѣе переварить ему строки «Народнаго Вѣстника».

Г-жа Шток. А мнѣ показалось, вы говорили съ нимъ довольно дружелюбно.

Гофс. О да, конечно! Но между нами это лишь перемиріе.

Бил. Вотъ именно. Слово это прекрасно опредѣляетъ взаимныя отношенія.

Дом. Шток. Не слѣдуетъ забывать, что Петеръ — холостякъ, бѣдняга! У него нѣтъ утѣшительной семьи; только служба, одна служба. И потому, этотъ чай, который онъ глотаетъ день деньской! Ну, разставляйте-ка стулья кругомъ стола, дѣти! Катерина, что жъ готовъ грогъ?

Г-жа Шток. (*направляясь къ столовой*). Сейчасъ несу.

Док. Штон. А вы, капитанъ Горстеръ, садитесь около меня, на диванъ. Вы такой рѣдкій гость... Садитесь, господа.

(Мужчины садятся вокругъ стола. Г-жа Штокманъ приноситъ подносъ съ чайникомъ, стаканами, графинами и т. п.)

Г-жа Штон. Вотъ, все и готово! Вотъ ромъ, вотъ коньякъ и водка. Кушайте на здоровье.

Док. Штон. *(беретъ стаканъ)*. Приступимъ. *(Въ то время какъ г-жа Штокманъ размышляетъ прогъ.)* А теперь пора привыкаться и за сигары. Эйлифъ, ты, вѣрпо, знаешь гдѣ мой ящикъ съ сигарами. А ты, Мортэнъ, принеси мнѣ трубку. *(Мальчики уходятъ въ комнату направо.)* Я подозреваю, что Эйлифъ, отъ времени до времени, курить украдкой сигару, но я дѣлаю видъ, что ничего не замѣчаю. *(Зоветъ.)* А гдѣ же чубукъ, Мортэнъ? Катерина, не покажешь ли ему, гдѣ я его оставилъ. А! онъ самъ нашелъ. *(Мальчики приносятъ трубку и сигары.)* Ну, друзья мои, наливайте себѣ. Вы знаете, я придерживаюсь моей трубки; не въ одномъ бурномъ путешествіи была она мнѣ товарищемъ, тамъ на сѣверѣ. *(Чокается.)* За ваше здоровье! Да, признаться сказать, много пріятнѣе сидѣть въ этомъ уютномъ уголкѣ, укрытомъ отъ вѣтра и непогоды.

Г-жа Штон. *(сидитъ и вяжетъ чулокъ)*. А что, вы скоро отпльваете, капитанъ Горстеръ?

Горс. Да, предполагаю на будущей недѣлѣ.

Г-жа Штон. Въ Америку?

Горс. Да.

Бил. Но, въ такомъ случаѣ, вы пропустите выборы въ новомъ городскомъ совѣтѣ.

Горс. Развѣ опять будутъ выборы?

Бил. Неужели вы этого не знаете?

Горс. Нѣтъ, я не занимаюсь этими вопросами.

Бил. Неужели вы не интересуетесь общественными дѣлами?

Горс. Нѣтъ, я не понимаю въ нихъ толку.

Бил. Все же, всякій долженъ пользоваться своимъ правомъ голоса.

Горс. Даже тотъ, кто ничего въ этомъ не понимаетъ?

Бил. Ничего не понимаетъ? Что вы хотите сказать? Общество подобно кораблю: каждый долженъ управлять рулемъ.

Горс. Быть можетъ, оно и такъ на сушѣ; но на морѣ это невозможно.

Гофс. Удивительно, какъ большинство моряковъ, въ общемъ, мало интересуется общественными дѣлами.

Бил. Да, это фактъ изумительный.

Док. Штон. Моряки, какъ перелетныя птицы: они дома и на югѣ, и на сѣверѣ. Тѣмъ болѣе энергія должна прилагаться остальные изъ насъ, Гофстадъ.—А что,—будетъ что-нибудь особенно интересное въ завтрашнемъ номерѣ «Народнаго Вѣстника»?

Гофс. Нѣтъ, ничего касающагося мѣстными интересами. Но послѣ завтра я нахѣрютъ пустить вашу статью.

Док. Штон. Статью мою? Нѣтъ, нѣтъ, вамъ придется съ ней повременить.

Гофс. Въ самомъ дѣлѣ? А у насъ теперь много свободного мѣста, и теперь какъ разъ самое удобное время.

Док. Штон. Да, да, быть можетъ оно и такъ, тѣмъ не менѣе, вамъ придется повременить...

(Петра, въ шляпѣ и пальто, съ кипой ученическихъ тетрадей, входитъ изъ передней.)

Петра. Здравствуйте.

Док. Штон. А, это ты, Петра? Здравствуй. *(Все здороваются. Петра снимаетъ шляпу и пальто и бросается на стулъ у двери.)*

Пет. Вотъ вы всѣ собрались здѣсь веселиться обществомъ, а я все по урокамъ бѣгала.

Док. Штон. Что-жъ, присаживайся и ты къ намъ.

Бил. Позвольте налить вамъ грога.

Пет. *(подходя къ столу)*. Благодарю, я возьму сама, вы всегда наливаете слишкомъ крѣпко. А, кстати, папа, есть письмо къ тебѣ. *(Идетъ къ стулу, гдѣ лежатъ ея вещи.)*

Док. Штон. Письмо? Отъ кого же?

Пет. *(ищетъ въ карманъ пальто)*. Я взяла его у почтальона, когда уходила утромъ...

Док. Штон. *(встаетъ и идетъ къ ней)*. Какъ, и ты до сихъ поръ не отдала мнѣ его?

Пет. Право же мнѣ некогда было возвращаться. Вотъ оно.

Док. Штон. *(схватывая письмо)*. Покажи-ка, покажи, милочка. *(Читаетъ адресъ.)* Да, да, оно самое.

Г-жа Штон. Это то, которое ты такъ давно ждешь, Томасъ?

Док. Штон. Да, да. Надо поскорѣе... Гдѣ я найду огня, Катерина? Что у меня опять не зажжена лампа?

Г-жа Штон. Да нѣтъ, она зажжена, на письменномъ столѣ.

Док. Штон. Хорошо. Извините, господа, если я оставлю васъ на нѣсколько минутъ... *(Уходитъ въ комнату направо.)*

Пет. Что это за письмо, мама?

Г-жа Штон. Не знаю. Последніе дни онъ все поглядывалъ, не идетъ ли почтальонъ.

Бил. Вѣроятно, какой-нибудь больной изъ деревни...

Пет. Бѣдный папа! Скоро онъ не будетъ имѣть покою отъ работы. *(Мышлетъ прогъ.)* Какой вкусный прогъ!

Гофс. А вы и сегодня давали уроки въ вечерней школѣ?

Пет. *(отпивая изъ стакана)*. Два часа.

Бил. И четыре часа утромъ, въ институтѣ?

Пэт. (*сидясь къ столу*). Пять часовъ.

Г-жа Шток. Да еще у тебя, я вижу, нѣсколько тетрадей, которыя ты должна поправить вечеромъ.

Пэт. Да, дѣлая кнпа.

Горс. Какъ видно, недостатка въ работѣ у васъ нѣтъ.

Пэт. Да, но эта работа не въ тягость мнѣ. Какъ устаешь къ концу дня.

Бил. Какъ, — вамъ это нравится?

Пэт. Да, такъ славно спится послѣ такого дня.

Морт. А вѣдь ты, должно быть, большая грѣшница, Пэтра.

Пэт. Большая грѣшница?

Морт. Да, если ты такъ много трудилась. Г-нъ Рердунгъ говоритъ, что трудъ посылается въ наказаніе за наши грѣхи.

Эйл. (*съ презрѣніемъ*). Вотъ чепуха! Какъ ты глупъ, что вѣришь такіе нелѣпости!

Г-жа Шток. Ну, ну, Эйлифъ.

Бил. (*смѣясь*). Bravo, bravo!

Гофс. Развѣ тебѣ не хочется трудиться, Мортэнъ?

Морт. Конечно, нѣтъ.

Гофс. Такъ чѣмъ же бы тебѣ хотѣлось быть?

Морт. Больше всего мнѣ бы хотѣлось быть викингомъ.

Эйл. Такъ вѣдь тогда ты былъ бы язычникомъ.

Морт. Ну, такъ что-жъ.

Бил. Въ этомъ я съ тобой согласенъ, Мортэнъ. То же самое говорю и я.

Г-жа Шток. (*дѣлая ему знаки*). Нѣтъ, нѣтъ, г-нъ Биллингъ, вѣдь вы шутите.

Бил. Провались я на мѣстѣ, если говорю это шута.

Г-жа Шток. Пора вамъ идти къ себѣ, дѣти; у васъ навѣрное есть уроки къ завтраму.

Эйл. Позволь остаться еще немного, мама.

Г-жа Шток. Нѣтъ, нѣтъ, пора. Отправляйтесь оба.

(*Малышки прощаются и уходятъ въ комнату мамы*).

Гофс. Неужели вы думаете, имъ не годится слушать такія вещи?

Г-жа Шток. Право, не знаю; но мнѣ это не нравится.

Пэт. А я такъ думаю, мама, что ты ошибаешься.

Г-жа Шток. Возможно; но все же мнѣ не нравятся такія рѣчи здѣсь... дома.

Пэт. Вездѣ-то одно лицезрѣіе, и дома, и въ школѣ.

Бил. Да, разувѣтса.

Пэт. Еслибъ я имѣла возможность, я бы сама завела школу, школу, — гдѣ бы все было поставлено иначе.

Бил. О, еслибъ вы имѣли возможность!

Горс. Если вы не на шутку подумываете объ

этомъ, я съ радостью предоставлю вамъ комнату. Старый домъ моего отца почти пустъ; въ нижнемъ этажѣ есть большая зала.

Пэт. (*смѣясь*). О, нѣтъ, благодарю васъ... Ничего бы изъ этого не вышло.

Гофс. Разувѣтса, ничего! У васъ скорѣе пошло бы журнальное дѣло. Кстати, вы не успѣли еще просмотрѣть англійскій романъ, который вы намъ обѣщали перевести?

Пэт. Нѣтъ еще. Но вы получите его въ срокъ.

(*Докторъ Штокманъ входитъ изъ своей комнаты, съ письмомъ въ рукѣ*).

Док. Шток. (*махляя письмомъ*). Новости, господа, новости, отъ которыхъ встрепенется весь городъ!

Бил. Новости?

Г-жа Шток. Какія новости?

Док. Шток. Великое открытіе, Катерина.

Гофс. Что-о?

Г-жа Шток. Открытіе сдѣланное тобой?

Док. Шток. Да, мною! (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*). Пусть же они теперь опять обвиняютъ меня въ сумасбродныхъ и дикихъ фантазіяхъ. Но они не посмѣютъ. Ха-ха! Я знаю, что не посмѣютъ.

Пэт. Папа, расскажи же намъ въ чемъ дѣло.

Док. Шток. Хорошо, хорошо, дайте время, и вы все услышите. Еслибъ только Пэтеръ былъ здѣсь въ настоящую минуту!... Вотъ доказательство, какъ люди составляютъ сужденія; они слѣпы, какъ кроты.

Гофс. Что вы хотите сказать, докторъ?

Док. Шток. (*останавливаясь у стола*). Неправда-ли, вѣдь всѣ предполагаютъ, что городъ нашъ въ здоровой мѣстности?

Гофс. Да, конечно.

Док. Шток. Да, исключительно здоровая мѣстность, мѣстность, которая смѣло предпринимается какъ больнымъ, такъ и здоровымъ.

Г-жа Шток. Милый Тонасъ...

Док. Шток. Да, и мы, конечно, рекомендовали ее и хвалили. Я самъ не разъ писалъ, и въ «Народномъ Вѣстникѣ», и въ брошюрахъ...

Гофс. Ну, и что же?

Док. Шток. Эти купанья, которыя ны называли «сердцемъ города», его «центральнымъ нервомъ» и... и чортъ знаетъ еще чѣмъ...

Бил. «Тренещущиѣ сердцеѣ города», такъ назвалъ я ихъ однажды въ собраніи...

Док. Шток. Ну да, разувѣтса. Но знаете ли вы, что, въ дѣйствительности, представляютъ собой эти великолѣпныя, хваленныя, цѣлебныя купанья, стоявшія такъ дорого, — знаете ли, что они собой представляютъ?

Гофс. Что же?

Г-жа Шток. Скажи же намъ.

Док. Шток. Ни болѣе, ни менѣе какъ разную яму.

Пэт. Купанья, папа?

Г-жа Шток. Наши купанья!

Гофс. Можеть ли это быть, докторъ!

Бил. Это невѣроятно!

Док. Шток. Говорю вамъ, вся эта мѣстность—заразное кладбище, зловерное до послѣдней степени! Всѣ эти нечистоты близъ Миль-Дэля отравляютъ воду въ трубахъ; и та же самая проклятая, отравленная вода просачивается у берега...

Гофс. Гдѣ устроены купанья?

Док. Шток. Именно.

Гофс. Но почему же вы такъ увѣрены въ этотъ, докторъ?

Док. Шток. Я изслѣдовалъ все дѣло такъ добросовѣстно, какъ только возможно. Я уже давно подозрѣвалъ это. Въ прошломъ году, между нашими паціентами появились необыкновенные случаи болѣзни, тифъ и желудочный катарръ...

Г-жа Шток. Да, помню.

Док. Шток. Мы думали тогда, что посѣтели занесли съ собой заразу; но впоследствии, прошлой зимой, на меня напало сомнѣніе. И я попробовалъ подвергнуть воду химическому анализу.

Г-жа Шток. Такъ вотъ надъ чѣмъ ты такъ усердно работала.

Док. Шток. Да, правда, поработала я немало. Но здѣсь, какъ вамъ извѣстно, у меня нѣтъ всѣхъ необходимыхъ научныхъ приспособленій; поэтому, для проверки, я послала образцы, какъ прѣсной, такъ и морской нашей воды къ химику, въ университетъ.

Гофс. И вы получили его отзывъ?

Док. Шток. (показывая письмо). Вотъ онъ. Отзывъ этотъ, самымъ несомнѣннымъ образомъ, доказываетъ присутствіе въ водѣ гнойной органической матеріи, миллионовъ инфузурій. А такая вода абсолютно вредна для здоровья, будетъ ли она употребляться внутрь, или снаружи.

Г-жа Шток. Какое счастье, что ты во время открылъ это!

Док. Шток. Да, безъ сомнѣнія, это великое счастье.

Гофс. Что же вы намѣрены дѣлать теперь, докторъ?

Док. Шток. Что дѣлать? Да поправить все дѣло, разумеется.

Гофс. И вы думаете, это возможно?

Док. Шток. Это необходимо. Иначе купанья погибли. Но я этого не боюсь. Для меня вполне ясно, какія нужны поправки.

Г-жа Шток. Но, другъ мой, зачѣмъ же ты дѣлалъ изъ всего этого такую тайну?

Док. Шток. Какъ, а ты бы хотѣла, чтобы я бросился болтать объ этомъ по всему городу, прежде чѣмъ удостовѣрится въ дѣлѣ? Нѣтъ, спасибо! Я съума еще не спятилъ.

Пэт. Но нанъ, дома...

Док. Шток. Я ни слова не могъ сказать,

ни единой живой душѣ. Но завтра ты можешь зайти къ старому барсуку...

Г-жа Шток. О, Томасъ!

Док. Шток. Ну, ну, хорошо, къ твоему дѣдушкѣ. Вотъ удивится-то старина! Онъ думать, у меня голова не въ порядкѣ, да и многіе другіе думаютъ то же самое, я зачѣмъ. Но теперь всѣ эти добрые люди увидятъ, да они увидятъ теперь. (Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потирая руки.) Какъ встретится всѣ въ городѣ, Катерина! Только подумай!—вѣдь всѣ трубы должны быть переложены.

Гофс. (вставая). Какъ, всѣ трубы?

Док. Шток. Разумеется. Онѣ проведены слишкомъ низко; надо поднять ихъ.

Пэт. Такъ значить—ты былъ правъ, пана?

Док. Шток. Да, помнишь, Пэтра? Я объ этомъ писалъ, когда они только начинали работы. Но тогда никто не хотѣлъ послушаться меня. Теперь же, я разобью ихъ по всѣмъ статьямъ,—разумеется, я уже приготовилъ отчетъ директорамъ; онъ уже готовъ у меня дѣловую недѣлю, я выжидалъ лишь отвѣта. (Указывая на письмо.) Но теперь они прочтутъ его. (Идетъ въ кабинетъ и возвращается съ пачкой бумагъ.) Вотъ, смотрите! Четыре листа, мелко написанныхъ. И я вложу сюда же и отзывъ. Давай-ка листъ газетной бумаги, Катерина, я заверну все вмѣстѣ. Ну вотъ. Отдайте это... (Топнувъ ногой.) Да какъ же ее зовутъ, чортъ побери! Отдайте это, говорю я, горничной, и велите ей сейчасъ же отнести бургомистру. (Г-жа Штокманъ беретъ свертокъ и уходитъ черезъ столовую.)

Пэт. А какъ ты думаешь, пана, что скажетъ на это дядя Пэтеръ?

Док. Шток. Что онъ скажетъ? Онъ, конечно, долженъ порадоваться открытію такого важнаго факта.

Гофс. Надѣюсь, вы позволите мнѣ помѣстить въ «Народномъ Вѣстникѣ» краткую записку о вашемъ открытіи?

Док. Шток. Да, я буду этому очень радъ.

Гофс. Весьма желательно, чтобы общество поскорѣ узнало объ этомъ.

Док. Шток. Разумеется.

Г-жа Шток. (возвращаясь). Я послала ее.

Бил. Провалился я на мѣстѣ, если вы не сдѣлаетесь 1-мъ лицомъ въ городѣ, докторъ.

Док. Шток. (весело ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). Ну вотъ, вздоръ! Собственно говоря, вѣдь я исполнилъ только свой долгъ. Мнѣ только посчастливилось открыть это. Но все-же...

Бил. Какъ вы думаете, Гофстадъ, не слѣдуетъ ли городу почтить доктора Штокмана факальной процессіей?

Гофс. Я это непремѣнно предложу.

Бил. А я переговорю объ этомъ съ Аслаксеномъ.

Док. Шток. Нѣтъ, друзья мои; не затѣвай-те всѣхъ этихъ исторій. Я и слышать объ этомъ не хочу. И еслибъ директора вздували увеличить мнѣ жалованье, я прямо откажусь. Да, Катерина,—я этого ни за что не хочу.

Г-жа Штокманъ. И ты вполнѣ правъ, То-насъ.

Пэт. (поднимая свой стаканъ). За твое здоровье, папа.

Гофс. и Бил. За ваше здоровье, за ваше здоровье, докторъ!

Гофс. (чокаясь съ докторомъ). Желаю, чтобъ открытiе ваше было вамъ въ радость.

Док. Шток. Благодарю васъ, благодарю, дорогие друзья. Не могу вамъ высказать какъ я счастливъ!... О, какое блаженство чувствовать, что заслужилъ расположенiе своихъ согражданъ. Ура, Катерина! (Обхватываетъ ее обими руками за шею и кружится съ ней. Г-жа Штокманъ кричитъ и пытается вырваться отъ него. Общій взрывъ хохота, всѣ аплодируютъ доктору. Мальчишки высовываютъ головы въ дверь.)

ДѢЙСТВIЕ ВТОРОЕ.

(Гостиная въ домъ доктора Штокмана. Дверь въ столовую притворена. Утро).

Г-жа Шток. (выходитъ изъ столовой съ запечатаннымъ письмомъ въ руку, идетъ къ первой двери направо и заглядываетъ въ нее).—Ты здѣсь, Тонасъ?

Док. Шток. (оттуда). Да, я только что возвратился. (Входитъ.) Что это?

Г-жа Шток. Письмо отъ твоего брата. (Передастъ ему письмо.)

Док. Шток. А! Покажи-ка. (Распечатываетъ конвертъ и читаетъ.) «При семъ прилагаю присланную мнѣ рукопись»... (Читаетъ вполголоса.) Гм!..

Г-жа Шток. Ну, что же онъ пишетъ?

Док. Шток. (кладя письмо въ карманъ). Ничего; онъ говоритъ, что самъ зайдетъ около полудня.

Г-жа Шток. Такъ не забудь же быть дома въ назначенный часъ.

Док. Шток. О, это легко устроить. Я уже кончилъ свою утреннюю работу.

Г-жа Шток. Интересно знать, какъ онъ къ этому отнесется.

Док. Шток. Ну вотъ увидишь, онъ не очень-то обрадуется, что я сдѣлалъ это открытiе, а не онъ.

Г-жа Шток. Вотъ этого-то я и боюсь.

Док. Шток. Разумѣется,—въ глубинѣ души онъ будетъ радъ. Но все же, — Пѣтеръ дьявольски не любитъ, чтобы кто-либо, кромѣ него, трудился на пользу города.

Г-жа Шток. Знаешь, Тонасъ, мнѣ думается,—ты могъ бы сдѣлать нѣкоторую уступку и раздѣлить съ нимъ эту честь. Развѣ ты не могъ бы намекнуть, что онъ навелъ тебя на мысль...

Док. Шток. Разумѣется,—мнѣ то это все равно. Лишь бы только удалось поправить дѣло...

(Старикъ Мортэнъ Киль заглядываетъ въ дверь изъ передней, вопросительно смотритъ и страшивается съ лукавымъ видомъ.)

М. Киль. Такъ это... все правда?

Г-жа Шток. (идетъ къ нему навстрѣчу). Это вы, папа?

Док. Шток. А! Съ добрымъ утромъ, тещъ, съ добрымъ утромъ.

Г-жа Шток. Да взойдите же.

М. Киль. Хорошо,—если только это правда; если-жъ нѣтъ,—я уйду.

Док. Шток. Если что—правда?

М. Киль. Да вся эта исторiя о трубахъ. Скажите-жъ,—это въ самомъ дѣлѣ правда?

Док. Шток. Да, разумѣется. Но какъ же вы узнали объ этомъ?

М. Киль (входя). Пѣтра зашла ко мнѣ по дорогѣ въ школу.

Док. Шток. А--такъ!

М. Киль. Ну, да,—и она все рассказала мнѣ. Я подумалъ сначала, что она шутитъ; но это было бы не похоже на Пѣтру.

Док. Шток. Конечно, нѣтъ; какъ это вамъ пришло въ голову?

М. Киль. О, вѣдь никому нельзя вполнѣ вѣрять. Какъ ничто одурачать,—прежде чѣмъ спохватиться. Такъ это въ самомъ дѣлѣ правда?

Док. Шток. Да, разумѣется. Присядьте же (усаживаетъ его на диванъ). Неправда-ли, какое счастье для города?...

М. Киль (сдерживая смѣхъ). Счастье для города?

Док. Шток. Да,—что я во время все это открылъ.

М. Киль (какъ прежде). Да, да, да,—конечно.—Ну могъ ли я заподозрить, что вы такъ ловко съумѣете подвести вашего брата!

Док. Шток. Какъ?... Подвести!

Г-жа Шток. Что вы, папа...?

М. Киль (опершись подбородкомъ на свою трость и хитро подмигивая доктору). Въ чемъ же бишь дѣло? — Какія-то насѣконныя залѣзли въ трубы?

Док. Шток. Да, инфузориѣ.

М. Киль. И кажется, ихъ очень много, говорила Пэтра; цѣлыя мириады.

Док. Шток. Да, сотни тысячъ.

М. Киль. Но никто не можетъ разглядѣть ихъ, неправда-ли?

Док. Шток. Да, никто не можетъ ихъ видѣть.

М. Киль (*тихонько хихикая*). Чортъ меня побери, если это не самая забавная вещь, которую мнѣ когда-либо приходилось слышать.

Док. Шток. Что вы хотите сказать?

М. Киль. Неужели вы серьезно воображаете, что бургомистръ будетъ съ вами за одно въ этомъ дѣлѣ?

Док. Шток. А вотъ посмотрите.

М. Киль. И вы полагаете, — онъ способенъ на такое безуміе?

Док. Шток. Я надѣюсь, весь городъ окажется на это способнымъ.

М. Киль. Весь городъ! Ну, ужъ не знаю. Во всякомъ случаѣ, — по дѣломъ имъ; хорошій имъ урокъ. Они вообразили себя умнѣ насъ, стариковъ; они вытравили насъ изъ городского совѣта, — да, — выгнали, какъ собаку. Теперь же, — на нашей улицѣ праздничекъ. Смотрите, Штокманъ, не уступайте имъ.

Док. Шток. Да, но...

М. Киль. Не уступайте, говорю я. (*Вставая*.) Если только вы одолѣете бургомистра и друзей его, — я жертвую сто талеровъ въ пользу бѣдныхъ.

Док. Шток. Что-жъ, — доброе дѣло.

М. Киль. Конечно, у меня слишкомъ мало, чтобы зря бросать деньги; но если вамъ это удастся, я жертвую бѣднымъ въ Рождество 50 талеровъ.

(*Гофстадъ входитъ изъ передней.*)

Гофстадъ. Здравствуйте. (*Остановившись.*) Ахъ, прошу извиненія...

Док. Шток. Милости просить. Входите, входите...

М. Киль (*хихикая*). Хе-хе! И онъ туда же?

Гофс. Что вы хотите сказать?

Док. Шток. Да, разумѣется.

М. Киль. Ну, конечно! Дѣло пойдетъ въ газету. Молодецъ же вы, Штокманъ! Не позабудьте, что я вамъ говорилъ. А теперь, — пора и долой.

Док. Шток. Да, нѣтъ, — куда же вы торопитесь! Посидите съ нами.

М. Киль. Нѣтъ, пора. Хорошенько ихъ. Чортъ побери, — вы навѣрное отъ этого не проигрываете.

(*Уходитъ. Г-жа Штокманъ провожаетъ его.*)

Док. Шток. (*смѣясь*.) Что бы вы думали?... А вѣдь старина ни слова не вѣритъ о всей этой исторіи!

Гофс. Такъ это онъ объ этомъ?...

Док. Шток. Да; мы говорили объ этомъ. И вы, вѣроятно, зашли на счетъ того же?

Гофс. Да. У васъ есть свободная минутка, докторъ?

Док. Шток. Къ вашимъ услугамъ, другъ мой.

Гофс. Что, вы уже говорили съ бургомистромъ?

Док. Шток. Нѣтъ еще. Онъ долженъ вскорѣ зайти.

Гофс. Вамъ, какъ доктору и человѣку науки, вся эта исторія о водопроводахъ представляется фактомъ единичнымъ. Врядъ ли приходило вамъ въ голову, что съ этимъ вопросомъ связано много другихъ?

Док. Шток. То есть, какъ же? Присядьте, другъ мой. Нѣтъ, — вотъ сюда, на диванъ.

(*Гофстадъ садится на диванъ; докторъ — въ кресло, по другую сторону стола.*)

Док. Шток. И такъ, вы говорите?...

Гофс. Вы сказали вчера, что вода заражена нечистотами...

Док. Шток. Да, безъ сомнѣнія; вся бѣда происходитъ отъ этого гнилаго болота около Миль-Дэля...

Гофс. Извините, докторъ; я такъ полагаю, — главная бѣда исходитъ совсѣмъ изъ другаго болота.

Док. Шток. Какое же еще болото?

Гофс. То болото, въ которомъ гниетъ вся наша муниципальная жизнь.

Док. Шток. Чортъ побери, Гофстадъ! Что это у васъ за мысль?

Гофс. Всѣ дѣла города постепенно захватили въ руки эта шайка...

Док. Шток. Ну, ужъ будто всѣ?

Гофс. Нѣтъ, не всѣ; но остальные — друзья ихъ и приверженцы. Всѣми нами управляетъ кружокъ зажиточныхъ лицъ, — лицъ съ вѣсомъ и положеніемъ въ городѣ.

Док. Шток. Да, но вѣдь, въ то же время, они — люди способные и знающіе.

Гофс. Что же, — развѣ они выказали много способностей и знанія, когда строили этотъ водопроводъ?

Док. Шток. Нѣтъ; разумѣется, это было очень нехорошо. Но все дѣло можно поправить.

Гофс. Вы думаете, — это такъ легко?

Док. Шток. Ну, легко-ли, нѣтъ-ли, — придется это сдѣлать.

Гофс. Да, если печать произведетъ давленіе.

Док. Шток. Это совершенно лишнее, другъ мой; я увѣренъ, что братъ...

Гофс. Извините меня, докторъ, но преждемъ васъ, — я навѣренъ поднять это дѣло.

Док. Шток. Въ газетѣ?

Гофс. Да. Предпринявши изданіе «Народнаго Вѣстника», я твердо рѣшился подорвать этотъ кружокъ упрямыхъ болвановъ, захватившихъ все въ свои руки.

Док. Шток. Но вѣдь сами же вы рассказывали мнѣ, что изъ этого вышло. Вы едва не погубили газету.

Гофс. Да, правда; въ то время, мы принуждены были сократиться. Весь проектъ организаціи купаній могъ провалиться, еслибъ люди эти были устранены. Но теперь купанья,—уже фактъ совершившійся, и мы можемъ легко обойтись безъ этихъ распорядителей.

Док. Шток. Да, правда, мы можемъ обойтись безъ нихъ; но все же, мы такъ многимъ обязаны имъ.

Гофс. Долгъ нашъ будетъ уплаченъ съ процентами. Но публичность съ своимъ демократическимъ направленіемъ не можетъ пропустить подобнаго случая. Мнѣ неприятно подрывать авторитетъ бургомистра, который приходится вамъ братомъ. Но я знаю,—вы думаете также какъ я,—истина прежде всякихъ другихъ соображеній.

Док. Шток. Ну, разумѣется. *(Съ жаромъ.)* Но если такъ!... если такъ!...

Гофс. Вы не должны принимать это въ дурную сторону. У меня не болѣе эгоистичныхъ и честолюбивыхъ мотивовъ, чѣмъ у всѣхъ прочихъ.

Док. Шток. Богъ съ вами, другъ мой,—развѣ я говорилъ что-либо подобное?

Гофс. Какъ вамъ извѣстно,—по происхожденію, я принадлежу къ простому народу,—и я нигдѣ случай видѣть, что, дѣйствительно, требуется низшихъ сословіянь.

Док. Шток. Да, это такъ.

Гофс. Я знаю, олигархія будетъ обличать меня, какъ агитатора и т. п.; но что мнѣ до того? Если совѣсть моя чиста...

Док. Шток. Вы вполне правы, другъ мой. Но все же... чортъ поберитъ!... *(Стучать въ дверь.)* Войдите!

(У порога двери появляется типографщикъ Аслаксэнъ. На немъ скромный, но върѣтнѣйшій черныиъ свортукъ, большіиъ галстукъ, легка помятый; перчатки и шляпа въ рукѣ.)

Асл. *(кланяясь.)* Извините, докторъ, если я осмѣливаюсь...

Док. Шток. *(вставая.)* А! Да это, кажется, Аслаксэнъ?

Асл. Да, это я, докторъ.

Гофс. *(вставая.)* Вы ко мнѣ по дѣлу, Аслаксэнъ?

Асл. Нѣтъ, не въ вашъ. Я и не зналъ, что вы здѣсь. Нѣтъ, я лично къ доктору.

Док. Шток. Къ вашимъ услугамъ.

Асл. Правда ли, что я слышалъ отъ Биллинга, что вы хотите устроить намъ новую, усовершенствованную систему трубъ?

Док. Шток. Да, для купаній.

Асл. Разумѣется, разумѣется. Такъ вотъ я и зашелъ предупредить, что, съ своей стороны, я готовъ всячески содѣйствовать движенію.

Гофс. *(доктору.)* Вотъ видите!

Док. Шток. Я искренно благодаренъ вамъ; но...

Асл. Вамъ не повредитъ, если на вашей сторонѣ будетъ мы—представители средняго сословія. Мы составляемъ теперь, такъ сказать, сплоченное большинство въ городѣ, т. е. когда это нужно для дѣла. А вы знаете, докторъ, всегда хорошо дѣйствовать за одно съ большинствомъ.

Док. Шток. Безъ сомнѣнія, само собой разумѣется; но я не предполагаю, чтобы потребовались какія-нибудь особенныя мѣропріятія. Казалось бы, дѣло такъ ясно и просто...

Аслам. Да, по все же, это не лишнее; я хорошо знаю истинныя власти. Онѣ не особенно расположены слѣдовать мнѣніямъ постороннихъ лицъ. Такъ что, я полагаю, было бы не лишнее, еслибъ мы устроили нѣчто вродѣ демонстраціи.

Гофс. И я того же мнѣнія.

Асл. Конечно, демонстрацію въ духѣ умѣренности, докторъ. Я всегда склоняюсь къ умѣренности; это 1-я гражданская добродѣтель, по крайней мѣрѣ, таковъ мой образъ мыслей.

Док. Шток. Мы всѣ это знаемъ, Аслаксэнъ.

Асл. Да, полагаю, моя умѣренность признана всеми. А это дѣло о системѣ трубъ—весьма важно для насъ, представителей средняго сословія. Купанья общають статью, со временемъ, золотымъ приискомъ для города, жизненной поддержкой для всѣхъ жителей, особенно для насъ, домовладѣльцевъ...

Док. Шток. Ну?

Асл. И въ качествѣ дѣятельнаго члена Общества Трезвости... вамъ, конечно, извѣстно, докторъ, что я принадлежу къ этому обществу?

Док. Шток. Ну, конечно, конечно.

Асл. Вы, слѣдовательно, знаете, что я сталкиваюсь съ массой людей. И такъ какъ я пользуюсь репутаціей гражданина осторожнаго, уважающаго законъ,—вы это сами признаете, докторъ,—и такъ какъ я нигдѣ нѣкоторое вліяніе въ городѣ и нѣкоторую власть, быть можетъ, и незаслуженно...

Док. Шток. Все это я знаю, Аслаксэнъ.

Асл. Такъ слѣдовательно, вы понимаете, мнѣ не трудно было бы составить адресъ, еслибъ дѣло дошло до столкновенія.

Док. Шток. Адресъ?

Асл. Да, нѣчто вродѣ благодарственнаго адреса вамъ отъ согражданъ за вашъ образъ дѣйствія въ такомъ важномъ вопросѣ. Конечно, адресъ этотъ долженъ быть составленъ въ духѣ умѣренности, чтобы никого не оскорбить. Но если мы будемъ осторожны, никто, думается мнѣ, не можетъ быть оскорбленъ.

Гофс. Ну, еслибы даже это и пришлось мнѣ не совсѣмъ по вкусу...

Аслак. Нѣтъ, нѣтъ; никого не слѣдуетъ оскорблять, Гофстадъ; не слѣдуетъ дѣйствовать противъ лицъ, которыя легко могутъ взять верхъ надъ нами. Довольно навидался я этого въ свое время; къ добру это никогда не приводило. Но никто не можетъ быть противъ свободнаго, но умѣреннаго выраженія взглядовъ гражданина.

Док. Штом. (*пожимая ему руку*). Я не могу высказать вамъ, милый Аслаксенъ, какъ мнѣ отрадно найти такую поддержку въ средѣ моихъ согражданъ. Я такъ счастливъ, такъ счастливъ! Не зайдете ли выпить рюмку шерри. А?

Асл. Нѣтъ благодарю; я не пью вина.

Док. Штом. Ну такъ стаканъ пива,—вы не откажетесь?

Асл. Благодарю, докторъ, я ничего не пью въ такой ранней часъ. А теперь я отправлюсь потолковать кое съ кѣмъ изъ домовладѣльцевъ и подготовить общественное мнѣніе.

Док. Штом. Вы очень добры, Аслаксенъ; но право же, я не вижу необходимости во всѣхъ этихъ подготовленіяхъ; дѣло, думается мнѣ, такъ просто...

Асл. Власти всегда дѣйствуютъ медленно, докторъ... Воже сохрани, чтобы я порицалъ ихъ за это...

Гофс. Мы ихъ встряхнемъ завтра въ газетѣ, Аслаксенъ.

Асл. Только безъ рѣзкихъ выходокъ, Гофстадъ. Дѣйствуйте въ духѣ умѣренности, или вы ничего не подѣлаете съ ними. Слѣдуйте моему совѣту; я набрался опытности въ школѣ жизни. А теперь я прощусь съ вами, докторъ. Теперь вы знаете, что, по крайней мѣрѣ, мы, представители средняго сословія,—стоимъ за васъ, твердо какъ скала. Сплоченное большинство на вашей сторонѣ, докторъ.

Док. Штом. Спасибо вамъ, другъ мой. (*Протягивая ему руку*.) Прощайте, до свиданія.

Асл. И вы идете въ контору, Гофстадъ?

Гофс. Я сейчасъ приду. Мнѣ нужно покончить только кое-какія дѣла.

Асл. Такъ до свиданія.

(*Кланяется и уходитъ. Докторъ Штомманъ провожаетъ его въ переднюю.*)

Гофс. (*доктору, который возвращается*). Ну, что вы снажете на это, докторъ? Не правда ли, давно пора намъ покончить со всѣми этими вѣдосстойными колебаніями и дѣйствовать смѣло?

Док. Штом. Вы говорите объ Аслаксенѣ?

Гофс. Да, о немъ. Онъ довольно порядочный человѣкъ, но это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ втянуло болото. И почти всѣ здѣсь походятъ на него; люди эти вѣчно колеблются изъ сторовы въ сторону, какъ флюгера; и, съ своими страхами и сомнѣніями, они ни на шагъ не смѣютъ двинуться впередъ.

Док. Штом. Да, но Аслаксенъ кажется мнѣ вполне благонамѣреннымъ.

Гофс. Есть нѣчто, гораздо болѣе достойное, въ моихъ глазахъ, чѣмъ всякія благія намѣренія; а именно, мужественный, независимый образъ дѣяствія.

Док. Штом. Я вполне согласенъ съ вами.

Гофс. Поэтому то, я хочу воспользоваться случаемъ. Эта нелѣпая, непростительная ошибка съ водопроводомъ должна открыть глаза каждому избирателю.

Док. Штом. Хорошо! Если вы полагаете, что это послужитъ на пользу общинѣ, пусть будетъ такъ; но только послѣ того, какъ я переговорю съ братомъ.

Гофс. Во всякомъ случаѣ, я теперь же принуждъ за передовую статью. И если бургомистръ откажется взяться самъ за это дѣло...

Док. Штом. Неужели вы считаете это возможнымъ?

Гофс. О, невозможнаго въ этомъ ничего нѣтъ. И тогда...

Док. Штом. Тогда, я обещаю вамъ... Вотъ моя статья; вы можете тогда напечатать еѣ безъ извѣненій.

Гофс. Да? Вы обѣщаете?

Док. Штом. (*передавая ему рукопись*). Вотъ, возьмите. Во всякомъ случаѣ, вы можете еѣ прочесть, съ тѣмъ, чтобы возвратить мнѣ впоследствии...

Гофс. Хорошо; пусть будетъ по вашему. А теперь прощайте, докторъ.

Док. Штом. Прощайте, до свиданія. Вотъ увидите, Гофстадъ, все дѣло уладится отлично, безъ всякихъ затрудненій.

Гофс. Гм. Посмотримъ.

(*Кланяется и уходитъ черезъ переднюю*.)

Док. Штом. (*идетъ къ столовой и заглядываетъ въ дверь*). Катерина! А! Ты уже вернулась, Пэтра?

Пэтра (*входя*). Да, я сейчасъ только изъ школы.

Г-жа Штом. (*входя*). Развѣ онъ еще не заходилъ?

Док. Штом. Пэтеръ? Нѣтъ еще; но у меня былъ длинный разговоръ съ Гофстадомъ. Онъ съ увлеченіемъ отнесся къ моему открытію. Вотъ видишь, дѣло гораздо важнѣе, чѣмъ я полагалъ вначалѣ. И, еслибы оказалась надобность, онъ предоставляетъ въ мое распоряженіе свою газету.

Г-жа Штом. Какъ, ты хочешь...

Док. Штом. О нѣтъ! Но все же отрадно знать, что нѣбешъ на своей сторонѣ независимую, просвѣщенную печать. И знаешь, что еще? Меня посѣтилъ также предсѣдатель «Ассоціаціи домовладѣльцевъ».

Г-жа Штом. Въ саномъ дѣлѣ? Что же ему нужно отъ тебя?

Док. Штом. Онъ предлагаетъ мнѣ свое содѣйствіе. Въ случаѣ столкновенія, они подержать меня. И знаешь, Катерина, какая сила на моей сторонѣ?

Г-жа Штом. На твоей сторонѣ? Кто же еще?

Док. Штом. Сплоченное большинство!

Г-жа Штом. А! Да хорошо ли это для тебя, Томасъ?

Док. Штом. Хорошо ли? Разуѣтся! (*Ходитъ взадъ и впередъ, потирая руки.*) Боже мой! Какое счастье чувствовать себя въ такомъ братскомъ единеніи съ своими согражданами!

Пэт. И быть въ состояніи приносить пользу, папа!

Док. Штом. И своему родному городу!

Г-жа Штом. Кто-то позвонилъ.

Док. Штом. Это, должно быть, онъ. (*Стучать въ дверь*). Войдите.

(*Бюролистръ Штокманъ входитъ изъ передней.*)

Бург. Здравствуйте.

Док. Штом. Какъ я радъ видѣть тебя, Петеръ.

Г-жа Штом. Съ добрымъ утромъ; какъ поживаете?

Бург. О, благодарю васъ; понемножку. (*Къ доктору.*) Я получалъ вчера вечеромъ твою статью о системѣ трубъ и купаньяхъ.

Док. Штом. Да,—ты прочелъ её?

Бург. Прочелъ.

Док. Штом. Что же ты думаешь объ этомъ вопросѣ?

Бург. Гм... (*Поглядываетъ на дамъ.*)

Г-жа Штом. Пойдемъ, Петра.

(*Уходятъ въ дверь намъво.*)

Бург. (*послѣ паузы*). Тебѣ необходимо было производить всѣ эти изслѣдованія у меня за спиной?

Док. Штом. Да, пока я не удостовѣрился вполне...

Бург. Такъ теперь ты вполне удостовѣрился?

Док. Штом. Да, кажется, статья моя достаточно это доказываетъ.

Бург. И ты намѣренъ представить это изслѣдованіе комиссіи директоровъ, какъ нѣчто вродѣ официального документа?

Док. Штом. Разуѣтся. Что-нибудь должно же быть предпринято, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Бург. По своему обыкновенію, ты употребляешь въ своемъ отчетѣ весьма сильныя выраженія. Между прочимъ, ты говоришь, что мы предлагаемъ нашимъ посѣтителямъ ничто иное, какъ медленный ядъ.

Док. Штом. Да какъ же иначе назвать это, Петеръ? Подумай только, отравленная вода, употребляемая внутри и снаружи! И это мы даемъ несчастнымъ больнымъ, которые съ

полнымъ довѣріемъ обращаются къ намъ, и такъ дорого платятъ намъ за лѣченіе!

Бург. Потому, ты объявляешь, въ видѣ заключенія, что намъ необходимо построить сточную трубу, чтобы очищать Миль-Дэль отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ нечистотъ, — и переложить всѣ трубы.

Док. Штом. Да. Какое же другое средство могъ бы ты предложить? Я такъ не знаю.

Бург. Сегодня утромъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ, я зашелъ къ городскому инженеру и, полу-шутя, упомянулъ объ этихъ поправкахъ, какъ о предпріятіи, которое мы можемъ имѣть въ виду, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Док. Штом. Въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ!

Бург. Конечно, онъ только улыбнулся на мои слова, принявши ихъ за сумасбродную фантазію. Потрудился ли ты обдумать, чего могутъ стоить предлагаемыя тобой поправки? Изъ того, что сказалъ инженеръ, я понялъ, что затраты достигли бы суммы нѣсколькихъ сотъ тысячъ талеровъ.

Док. Штом. Неужели такъ много?

Бург. Да, не менѣе. Но это еще не главное. Поправки эти потребовали бы не менѣе 2-хъ лѣтъ.

Док. Штом. Какъ? Не менѣе 2-хъ лѣтъ?

Бург. Да, по крайней мѣрѣ. И что же стало бы, въ этотъ промежутокъ времени, съ нашими купаньями? Вѣдь, безъ сомнѣнія, пришлось бы закрыть ихъ. Кто же поѣдетъ къ намъ, если распространятся слухи, что вода заражена?

Док. Штом. Но вѣдь это же правда, Петеръ, она дѣйствительно заражена.

Бург. И все это теперь, — теперь, когда купанья въ такомъ цвѣтущемъ положеніи! Вѣдь и сосѣдніе города имѣютъ пріязаніе считаться цѣлебными мѣстами. Или ты думаешь, они тотчасъ не воспользуются этимъ, чтобъ перенанять къ себѣ всѣхъ нашихъ посѣтителей? Безъ сомнѣнія, они это сдѣлаютъ; и мы сядемъ на мели. Намъ пришлось бы, по всей вѣроятности, отказаться отъ всего предпріятія, такъ дорого стоявшаго намъ; и ты былъ бы виновникомъ разоренія родного города!

Док. Штом. Я—виновникомъ разоренія?

Бург. Только благодаря купаньямъ, городъ имѣетъ нѣкоторую будущность. Ты это, конечно, знаешь также хорошо, какъ и я.

Док. Штом. Но какъ же, по твоему, слѣдуетъ поступить?

Бург. Я еще далеко не убѣдился, что вода въ купаньяхъ такъ дурна, какъ ты увѣряешь въ своемъ отчетѣ.

Док. Штом. Да говорю же тебѣ, я не преувеличивалъ, а лѣтомъ, въ жаркую погоду, будетъ еще хуже.

Бург. Повторяю, я убѣжденъ, что ты сильно преувеличиваешь. Опытному медику слѣдовало бы уиѣть отвращать вредныя условія и противоѣствовать имъ, въ случаѣ, еслибы они проявились слишкомъ явно.

Док. Шток. Въ самомъ дѣлѣ? Что же далѣе?

Бург. Существующая система трубъ—фактъ, съ которымъ необходимо считаться. Но, съ теченіемъ времени, директора, вѣроятно, согласятся рассмотреть вопросъ, нельзя ли предпринять нѣкоторыя поправки, конечно, безъ неблагоприятныхъ матеріальныхъ жертвъ.

Док. Шток. И ты воображаешь, я согласусь быть причастнымъ подобной низости?

Бург. Низости?

Док. Шток. Да, это была бы низость, обманъ, ложь, преступленіе противъ всего общества!

Бург. Повторяю, я далеко не убѣжденъ въ существованіи такой настоятельной опасности.

Док. Шток. Неправда, ты въ этомъ вполне убѣжденъ. Доводы мои слишкомъ ясны и убѣдительно. И, въ глубинѣ души, ты это сознаешь, Петеръ, но не хочешь въ томъ признаться. Не ты ли настаивалъ, чтобы и купанья и системы трубъ были построены на такой низкой мѣстности; и эту-то проклятую ошибку ты не хочешь признать. Чортъ побери!—или ты воображаешь, что я не вижу тебя насквозь?

Бург. А еслибы и такъ? Не для блага ли роднаго города я ревниво охраняю свою репутацію? Безъ нравственнаго авторитета мнѣ невозможно руководить дѣлами въ томъ направленіи, которое, по моему убѣжденію, наиболѣе можетъ способствовать общему благосостоянію. По этой причинѣ, также какъ и по многимъ другимъ, для меня весьма важно, чтобы твои отчеты не были представляемы комиссіи директоровъ. Впослѣдствіи, я самъ подниму этотъ вопросъ, и мы, безъ шума, сдѣлаемъ все, что будетъ возможно; но ни единое слово объ этомъ злосчастномъ дѣлѣ не должно достигнуть до общества.

Док. Шток. Но, интимнѣйшій другъ, скрыть это дѣло теперь уже невозможно.

Бург. Оно должно быть скрыто, и будетъ скрыто.

Док. Шток. Повторяю, это невозможно; слишкомъ многие уже знаютъ о немъ.

Бург. Какъ! Кто же? Неужели и вся эта компанія сотрудниковъ «Народнаго Вѣстника»?

Док. Шток. О да, мнѣ все извѣстно. Либеральная, независимая пресса будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ты исполнилъ твой долгъ.

Бург. (послѣ короткой паузы). Ты поразительно неосмотрительный человѣкъ, Томасъ. Подумалъ ли ты, какія послѣдствія могутъ имѣть для тебя подобный образъ дѣйствія?

Док. Шток. Послѣдствія?—для меня?

Бург. Да, для тебя и для твоей семьи.

Док. Шток. Чортъ побери, что ты хочешь сказать?

Бург. Кажется, я всегда доказывалъ готовность протянуть тебѣ руку помощи.

Док. Шток. Да, правда; и я тебѣ очень благодаренъ за участіе.

Бург. Въ благодарности твоей я не нуждаюсь. До извѣстной степени я принужденъ былъ дѣйствовать такимъ образомъ изъ личнаго интереса. Помогая тебѣ улучшить твое матеріальное положеніе, я надѣялся, что буду въ состояніи удержать тебя въ извѣстныхъ границахъ.

Док. Шток. Какъ! Ты дѣйствовалъ только изъ личнаго интереса?

Бург. Повторяю—до извѣстной степени. Для человѣка въ официальномъ положеніи тяжело, когда ближайшій его родственникъ компрометируетъ себя.

Док. Шток. Это я-то компрометирую себя?

Бург. Да, къ несчастью. Духъ у тебя спокойный, задорный, нятежный. Да еще, на бѣду,—эта несчастная склонность бросаться въ печать при всякомъ удобномъ случаѣ, кстати и некстати. Какъ только у тебя является какая-либо мысль, ты сѣвшишь оглашать ее черезъ посредство газетной статьи.

Док. Шток. Да развѣ гражданинъ не обязанъ сообщать обществу всякую свою новую мысль?

Бург. Пустое! Общество не нуждается въ новыхъ мысляхъ. Обществу лучше живется съ хорошими, давно признанными идеями.

Док. Шток. Однако, надо признаться, ты откровененъ!

Бург. Да, развѣ навсегда, я долженъ объясниться съ тобой откровенно. До сихъ поръ, я этого избѣгалъ, зная какъ ты раздражителенъ; но теперь, Томасъ, я долженъ сказать тебѣ всю правду. Ты понятія не имѣешь, какъ вредишь себѣ своей опронеетчивостью. Ты жалуешься на мѣстныхъ власти, и даже на само правительство, ты бранишь ихъ и считаешь себя жертвой преслѣдованій. Но при твоёмъ невозможномъ характерѣ, чего еще можешь ты ожидать?!

Док. Шток. Вотъ какъ! Такъ я—человѣкъ невозможный, по твоему мнѣнію?

Бург. Да, Томасъ, и работать съ тобой за одно—вполнѣ невозможно; я знаю это по опыту. Ты относишься ко мнѣ безъ всякаго уваженія, какъ бы забывая, что обязанъ мнѣ своимъ мѣстомъ главнаго врача при купаньяхъ...

Док. Шток. Мѣсто это, по праву, принадлежало инѣ, никому другому, какъ мнѣ! Я первый открылъ цѣлебныя свойства мѣстной воды,—въ то время никто этого и не подозрѣвалъ. Цѣлые годы я одинъ боролся за свою идею, одинъ писалъ въ защиту ея...

Бург. Везъ сомнѣнiя; но въ то время еще не наступила минута для практическаго прижѣненiя этой идеи. Конечно, ты не могъ понять это въ глуши заколустья, гдѣ ты проживалъ въ то время. И какъ только наступила благоприятная минута, я, съ помощью другихъ, взялъ все дѣло въ свои руки...

Док. Шток. Да, и ты испортилъ весь мой прекрасный проектъ. О, теперь мы увидимъ, какихъ инимыхъ мудрецовъ всѣ вы разыграли изъ себя!

Бург. А я вижу одно, что ты опять стремишься найти исходъ для своего непокорнаго духа. Ты хочешь задѣть лица, стоящiя выше тебя, — замашка давно мнѣ известна. Ты не выносишь какого-либо авторитета надъ собой. Ты косо смотришь на того, кто занимаетъ болѣе высокое положенiе, чѣмъ ты; ты относишься къ нему какъ къ личному врагу, не разбирая какого рода орудiе ты употребляешь противъ него. Но теперь я пояснилъ тебѣ, какъ многое зависитъ отъ этого для города и, слѣдовательно, для меня. И предупреждаю тебя, Тонасъ, я буду непреклоненъ въ требованiи, съ которыми нажѣренъ обратиться къ тебѣ.

Док. Шток. Какое требованiе?

Бург. Такъ какъ ты былъ настолько неблагодаруменъ, что разболталъ постороннимъ лицамъ объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, которое слѣдовало хранить, какъ официальную тайну, скрыть его теперь, разумѣется, невозможно. Повсемѣстно распространятся разные слухи, слухи преувеличенные, благодаря сплетнямъ. Поэтому тебѣ необходимо публично опровергнуть эти слухи.

Док. Шток. Мнѣ, — опровергнуть ихъ? Я тебя не понимаю.

Бург. Мы желаемъ, чтобы, послѣ дальнѣйшихъ изслѣдованiй, ты пришелъ къ заключенiю, что дѣло далеко не такъ серьезно и снѣшно, какъ ты вообразилъ сначала.

Док. Шток. А-а! Такъ вотъ что вы желаете?

Бург. Далѣе, мы желаемъ, чтобы ты высказалъ увѣренность, что коммиссiя директоровъ добросовѣстно предпринметъ всѣ мѣры для исправленiя какихъ-либо недостатковъ.

Док. Шток. Да, но это не можетъ быть слѣдано, пока вы торюсите дѣло. Повторяю, Пѣтеръ, мое глубокое, искреннее убѣжденiе...

Бург. Какъ лицо официальное, ты не имѣешь права держаться какого-либо индивидуальнаго убѣжденiя.

Док. Шток. (встлкнувъ). Не имѣю права?

Бург. Да, какъ официальное лицо, ты не имѣешь права. Какъ частное лицо, конечно, другое дѣло. Но какъ подчиненное, официальное лицо, ты не имѣешь права выражать убѣжденiе, расходящееся со взглядами твоего начальства.

Док. Шток. Это ужъ слишкомъ! Какъ я, врачъ, человекъ науки, я не имѣю права...

Бург. Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, касается не одной науки; это дѣло сложное, имѣющее техническую и экономическую стороны...

Док. Шток. Чортъ побери! Мнѣ-то что до того? Какое мнѣ до этого дѣло, чортъ возьми! Я имѣю право выражать свое мнѣнiе о всякомъ предметѣ въ мирѣ!

Бург. Сколько угодно, пока это не касается купанiй. Въ это же дѣло мы запрещаемъ тебѣ путаться.

Док. Шток. (громовымъ голосомъ). Вы запрещаете!... Вы!...

Бург. Да, я запрещаю, — я твой начальникъ, и ты долженъ мнѣ повиноваться.

Док. Шток. (съ трудомъ сдерживаясь). Честное слово, Пѣтеръ, еслибы ты не былъ мнѣ братомъ...

Пѣт. (порывисто отворяя дверь). Ты не унижайся до этого, папа!

Г-жа Шток. (слѣдуя за ней). Пѣтра, Пѣтра!

Бург. А-а! такъ вы подслушивали...

Г-жа Шток. Перегородка такая тонкая, что мы поневолѣ...

Пѣт. Я стояла у двери и слушала намѣренно.

Бург. Въ сущности, мнѣ все равно...

Док. Шток. (подходя къ нему). Ты говорилъ мнѣ о запрещенiи и повиновенiи...

Бург. Ты самъ заставилъ меня такъ говорить съ тобой.

Док. Шток. Что-жъ, по вашему, я долженъ публично покаяться во лжи?

Бург. Мы считаемъ необходимымъ, чтобы ты напечаталъ статью въ указанномъ смыслѣ.

Док. Шток. А если я откажусь повиноваться?

Бург. Тогда мы сами напечатаетъ статью для успокоенiя публики.

Док. Шток. Прекрасно; въ такомъ случаѣ, я стану печатно опровергать васъ. Я добьюсь своей цѣли и докажу, что правъ я, а вы не правы. И что вы тогда сдѣлаете?

Бург. Тогда мнѣ придется удалить тебя.

Док. Шток. Что!?...

Пѣт. } Удалить!...

Г-жа Шток. } Удалить!...

Бург. Да, удалить тебя отъ должности врача при купаньяхъ. Я принужденъ буду сказать, чтобы тебѣ велѣли подать въ отставку.

Док. Шток. Ты не посмѣешь это сдѣлать!

Бург. Не ты ли самъ затѣялъ смѣлую игру.

Пѣт. Дядя, и вамъ не стыдно поступать подобнымъ образомъ съ такимъ человекомъ, какъ отецъ?

Г-жа Шток. Успокойся, Пѣтра.

Бург. (взглядывая на Пѣтру). А-а! У насъ уже свои собственные убѣжденiя. Ну, разумѣется! (Обращаясь къ 1-жъ Штокманъ.) Невѣстка, изъ всей вашей семьи, вы, кажется,

самая разумная. Постарайтесь повліять на вашего мужа; постарайтесь наглядно представить ему, какія послѣдствія повлечетъ за собой его образъ дѣяствій, какъ для его семьи, такъ...

Док. Штом. Моя семья касается лишь одного меня.

Бург. Какъ для его семьи, говорю я, такъ и для блага его родного города.

Док. Штом. Благо родного города гораздо ближе моему сердцу, чѣмъ вамъ. Я хочу обнаружить то зло, которое, рано или поздно, неизбежно проявится на свѣтъ Божій. Да, я на дѣлѣ докажу свою любовь къ родному городу.

Бург. Какъ, ты, который, въ своемъ слѣпонѣ упрямствѣ, хочешь лишить городъ главного источника его благосостоянія!..

Док. Штом. Да, говорятъ же тебѣ, — источникъ этотъ отравленъ! Или ты съума спятилъ? Благосостояніе наше основано на безправственныхъ, преступныхъ сдѣлкахъ. Вся наша цвѣтущая общественная жизнь построена на обманѣ!

Бург. Все это пустыя бредни, если не хуже. Человѣкъ, способный такъ оскорбительно отзываться о родной мѣстности, человѣкъ этотъ — врагъ общества.

Док. Штом. Какъ, ты смѣешь...

Г-жа Штом. (*бросаясь между ними*). То-насъ!..

Пэт. (*схватывая отца за руку*). Успокойся, папа.

Бург. Я не нахѣренъ подвергать себя насилію. Я тебя предупредилъ, — этого достаточно. Подумай о томъ, что предписываетъ тебѣ долгъ, — относительно тебя самого и твоей семьи.

(*Уходитъ.*)

Док. Штом. (*ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*). Выслушивать такія рѣчи! И у себя въ домѣ! Какъ тебѣ это кажется, Катерина?

Г-жа Штом. Это возмутительно, Томасть...

Пэт. Какъ бы хотѣлось отплатить за это дядѣ!..

Док. Штом. Я самъ виноватъ. Мнѣ уже давно слѣдовало осадить ихъ! И онъ называлъ меня врагомъ общества! Это меня-то! Я не потерплю этого, честное слово, не потерплю!

Г-жа Штом. Но, Томасть, вѣдь все таки сила на сторонѣ твоего брата...

Док. Штом. Да, но на моей сторонѣ право!

Г-жа Штом. Да, — право! Къ чему оно, когда не ниѣшь на своей сторонѣ силы?

Пэт. Мама, какъ ты можешь такъ говорить?

Док. Штом. Какъ! Къ чему ниѣтъ на своей сторонѣ право, живя въ свободномъ обществѣ? Опоминись, Катерина! Къ тому же, развѣ не на моей сторонѣ пресса и салонное большинство?

Г-жа Штом. Какъ, Томасть, неужели ты думаешь...

Док. Штом. Что же?

Г-жа Штом. Я хочу сказать, — неужели ты думаешь вступить въ борьбу съ твоимъ братомъ?

Док. Штом. А что же остается дѣлать, — если держаться истины и справедливости?

Пэт. Да, — что же остается дѣлать?

Г-жа Штом. Но это ни къ чему не приведетъ. Они все таки поставятъ на своемъ.

Док. Штом. Ха-ха, посмотришь! Я докажу тебѣ, что умѣю постоять за то, что считаю истинной.

Г-жа Штом. Да, ты будешь стоять на своемъ, пока тебя не отставятъ отъ должности; и этишь, конечно, кончится дѣло.

Док. Штом. Ну, такъ чтожь, — по крайнему мѣрѣ, я исполню свой долгъ по отношенію къ согражданамъ, по отношенію къ обществу; я исполню его, — я, котораго называютъ врагомъ общества.

Г-жа Штом. Но твой долгъ къ твоей семьѣ, Томасть, ко всѣмъ намъ? Развѣ ты считаешь себя вправѣ такъ поступать относительно тѣхъ, которые зависятъ отъ тебя?

Пэт. О, мама, — не думай всегда прежде всего о васъ.

Г-жа Штом. Да, хорошо тебѣ такъ говорить; ты сама за себя постоишь въ случай нужды. Но подумай о мальчишкахъ, Томасть; подумай немного о себѣ, также и обо мнѣ...

Док. Штом. Ты не въ своемъ умѣ, Катерина. Какъ, ты хочешь чтобы я поступилъ какъ презрѣнный трусъ, и повиновался бы Петеру со всей его проклятой кликой? И ты думаешь, я могу быть хоть на минуту счастливъ послѣ подобнаго поступка?

Г-жа Штом. Не знаю; но Боже сохрани отъ того счастья, которое ожидаетъ насъ, если ты затѣяла эту борьбу. Ты опять осталась бы не при чемъ, безъ всякой твердой матеріальной опоры. Кажется, мы ужъ достаточно потерпѣлись въ былое время. Вспомни о насъ, Томасть; подумай о всѣхъ послѣдствіяхъ, ожидающихъ насъ.

Док. Штом. (*съ трудомъ сдерживаясь и сжимая кулаки*). И эти болваны способны навлечь такія невзгоды на свободного, честнаго человѣка! Не возмутительно ли это, Катерина?

Г-жа Штом. Да, поведеніе ихъ относительно тебя возмутительно. Но кто же не знаетъ, что въ мирѣ много несправедливостей, съ которыми приходится считаться. Вотъ наши мальчики, Томасть; взгляни на нихъ. Что же будетъ съ ними? О пѣтъ! Ты никогда не рѣшишься...

(*Эмили и Мартэнъ вошли въ это время, съ школьными тетрадами въ рукахъ.*)

Док. Штом. Наши мальчики!.. (*Решивъ*

тѣльно и твердо.) Никогда, — никогда, хотя бы провалилась вся земля, — не согну я шею подъ ярмонъ. (*Идетъ къ своей комнатѣ.*)

Г-жа Шток. (*идетъ за нимъ*). Что же ты хочешь дѣлать, Томасъ?..

Док. Шток. (*у порога двери*). Я долженъ имѣть право смотрѣть прямо въ лицо коня

сыньювямъ, когда они выростутъ большими. (*Уходитъ въ свою комнату.*)

Г-жа Шток. (*рыдая*). Господи! Помоги намъ всѣмъ!

Пэт. Отецъ правъ! И онъ никогда не пойдетъ на сдѣлки.

(*Мальчики, въ изумленіи спрашиваютъ, что значитъ все это; Пэтра дѣлаетъ имъ знаки, чтобы они молчали.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната редактора въ конторѣ „Народнаго Вѣстника“. На заднемъ планѣ, направо, — дверь; направо — стеклянная дверь, черезъ которую виднѣется типографія. Въ серединѣ комнаты большой столъ, заваленный бумагами, газетами и книгами. Направо окно, около окна — конторка съ высокимъ стуломъ около нея. У стола два кресла; нѣсколько стульевъ вдоль стѣны. Комната имѣетъ видъ безпріютный и невзрачный; мебель старая, кресла грязныя и ободранныя. Въ типографіи сидятъ нѣсколько наборщиковъ за работой, въ отдаленіи — печатный станокъ.

Гофстадъ сидитъ за конторкой и пишетъ. Съ правой стороны входитъ Биллингъ, съ рукописью доктора Штокмана въ рукѣ.

Бил. Да, нечего сказать...

Гофс. (*продолжая писать*). Вы прочли всю рукопись?

Бил. (*кладя рукопись на конторку*). Да всю, — съ начала и до конца.

Гофс. Неправда ли, — какая сильная вещь?

Бил. Сильная! Чортъ побери, — это статья поразительная! Каждое слово падаетъ, какъ ударъ молота.

Гофс. Да, но всѣ эти господа не сдадутся съ перваго же раза.

Бил. Да, правда; но мы будемъ наносить ударъ за ударомъ. Въ то время какъ я читалъ эту статью, имъ какъ бы слышались вдали отдаленные раскаты приближающейся грозы.

Гофс. Т-с! Не слышалъ бы Аслаксенъ.

Бил. (*поминая голосъ*). Аслаксенъ — презрѣнный трусъ, лишенный всякаго мужества. Но на этотъ разъ, — вы поставите на своемъ, неправда-ли? Вы напечатаете статью доктора Штокмана?

Гофс. Да, если не воспротивится бургомистръ...

Бил. Это было бы ужасно досадно.

Гофс. Ну, какъ бы тамъ ни было, — мы можемъ воспользоваться даннымъ положеніемъ дѣла. Если бургомистръ не согласится съ предложеніемъ доктора, противъ него возстанетъ все низшее, среднее сословіе, — вся «Ассоціація Домовладѣльцевъ», и проч. Если же онъ согласится, отъ него отпадетъ вся клика акционе-

ровъ Купаній, — которые всегда были главной его поддержкой...

Бил. Да, разунѣтся; вѣдь имъ, безъ сомнѣнія, пришлось бы выложить не мало денегъ...

Гофс. Еще бы! А потомъ, когда разъединится ихъ партія, мы будемъ изо дня въ день внушать публикѣ, что бургомистръ несостоятеленъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что всѣ главные административныя мѣста, — словомъ, все муниципальное правительство должно быть передано въ руки людей съ либеральнымъ образомъ мыслей.

Бил. Провались я на мѣстѣ, если это не истинная правда. Да, да, я это вижу: мы наканунѣ революціи!

(*Стучатъ въ дверь.*)

Гофс. Т-с! (*Громко*). Войдите!

(*Докторъ Штокманъ входитъ изъ двери направо.*)

Гофс. (*идетъ къ нему на встрѣчу*). А! вотъ и самъ докторъ! Что скажете?

Док. Шток. Печатайте статью, Гофстадъ!

Гофс. А! Такъ дѣло дошло до этого?

Бил. Ура!

Док. Шток. Печатайте, говорю вамъ. Разунѣтся, дошло до этого. И разъ они этого желаютъ, пусть будетъ такъ! Война объявлена, Биллингъ!

Бил. Да, да, докторъ. — война на жизнь и на смерть!

Док. Шток. Статья эта — лишь начало войны. У меня въ головѣ уже намѣченъ планъ 4-хъ, 5-ти другихъ статей. Но куда же запрятали вы Аслаксена?

Бил. (*подходитъ къ типографіи и зоветъ*). Аслаксенъ! Войдите къ намъ на минутку.

Гофс. Вы говорите, — у васъ уже намѣченъ

планъ 4-хъ, 5-ти другикъ статей. И все о томъ же предметѣ?

Док. Шток. О, нѣтъ, другъ мой. Нѣтъ, онѣ касаются совсѣмъ другикъ предметовъ. Но всѣ онѣ имѣютъ отношеніе къ вопросу о системѣ трубъ. Одинъ вопросъ ведетъ къ другому.

Бил. Провалился я на мѣстѣ, если вы не правы! Сознаешь, что нельзя оставить дѣло...

Асл. (*входя изъ типографіи*). Ужъ не думаете ли вы, докторъ, свести всѣ зданія Купаній?

Гофс. О, нѣтъ! Не пугайтесь.

Док. Шток. Нѣтъ, мы говорили совсѣмъ о другомъ. Что же вы думаете о моей статьѣ, Гофстадъ?

Гофс. Что я думаю? Я нахожу, что это, въ своемъ родѣ—*chef d'oeuvre*.

Док. Шток. Да, неправда ли? Какъ я радъ, что вы такъ думаете.

Гофс. Она такъ ясна и такъ мѣтко попадаетъ въ дѣль. Не надо быть специалистомъ, чтобы понять суть дѣла. Я не сомнѣваюсь,—

всякій интеллигентный человѣкъ будетъ на вашей сторонѣ.

Асл. И также люди осторожные, надѣюсь.

Бил. И осторожные, и неосторожные, слово—почти весь городъ.

Асл. Въ такомъ случаѣ, я полагаю—мы можемъ напечатать ее.

Док. Шток. Надѣюсь!

Гофс. Она пойдетъ въ завтрашнемъ №-рѣ.

Док. Шток. Да, чортъ побери, не слѣдуетъ терять ни минуты. Слушайте, Аслаксэнъ, что я хотѣлъ спросить васъ: не возьметесь ли вы печатать статью подъ вашими личными надзоромъ?

Асл. Конечно, возьмусь.

Док. Шток. Берегите ее какъ сокровище, чтобы не было опечатокъ. Каждое слово имѣетъ важное значеніе. Я взгляну къ вамъ опять въ скоромъ времени; быть можетъ, уже будетъ готовъ первый оттискъ. О, еслибъ вы знали, какъ я жажду видѣть статью напечатанной...

Бил. Да, она явится громовымъ ударомъ!

Док. Шток... И представленной на сужденіе cadaго здравомыслящаго гражданина. Да, вы не знаете всего, что мнѣ пришлось вынести сегодня. Какія только угрозы ни сыпались на меня! Меня хотѣли лишить моихъ законныхъ правъ...

Бил. Какъ! Неужели!

Док. Шток.... Отъ меня требовали, чтобы я унивился и смѣшался съ грязью, чтобы я предпочелъ личные интересы самымъ глубокимъ, святымъ моимъ убѣжденіямъ...

Бил. Провалился я на мѣстѣ, это слишкомъ возмутительно!

Гофс. Чего же еще и ждать отъ этихъ господъ?

Док. Шток. Но, клянусь вамъ, имъ отъ этого не поздоровится. Я буду вести съ ними ежедневную войну въ «Народномъ Вѣстникѣ», я стану бомбардировать ихъ сиѣлыми статьями...

Асл. Да, но подумайте..

Бил. Ура! Война! Война!

Док. Шток. Я покараю и раздавлю ихъ, я уничтожу ихъ въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ! Да, я это сдѣлаю!

Асл. Но, главное, будьте утѣренны, докторъ; дѣйствуйте осторожно...

Бил. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не падите.

Док. Шток. (*невозмутимо*). Потому что теперь рѣчь идетъ уже не объ однихъ сточныхъ трубахъ. Всѣ старые кронатели должны быть удалены, понимаете. Какія чудныя перспективы открылись сегодня передъ моими мысленнымъ взглядомъ! Еще не все вполне ясно для меня, но скоро туманъ окончательно расчѣтается!

Бил. Слушайте, слушайте!

Док. Шток. И если только мы будемъ дѣйствовать дружно, все такъ прекрасно устроится!

Гофс. Съ своей стороны, я полагаю, мы имѣемъ теперь всѣ шансы передать муниципальныя дѣла въ достойныя руки.

Асл. И если только мы будемъ дѣйствовать утѣренно, врядъ ли намъ грозитъ какая-либо опасность.

Док. Шток. Да какое намъ дѣло, чортъ возьми, есть ли опасность, или нѣтъ? То, что я дѣлаю, я дѣлаю во имя истины и по совѣсти.

Гофс. Да, докторъ, вы человѣкъ—съ которымъ можно идти рука объ руку.

Асл. Да, безъ сомнѣнія, докторъ—истинный гражданинъ и другъ общества, если можно такъ выразиться.

Бил. Не только общества, чортъ возьми, но и народа.

Асл. Безъ сомнѣнія, «Ассоціація домовладѣльцевъ» скоро усвоитъ это выраженіе.

Док. Шток. (*глубоко растроганный, пожимаетъ имъ руки*). Благодарю васъ, благодарю, дорогіе, вѣрные друзья мои; какъ отъ радно имъ ваше сочувствіе. Уважаемый братъ мой называлъ меня иначе. Но терпѣніе. Я оплачу ему съ процентами. Однако, надо поспѣшить къ одному бѣднягѣ, моему пациенту. Я взгляну къ вамъ опять вскорѣ. Такъ позаботьтесь же о статьѣ, Аслаксэнъ; и, Бога ради, не выпускайте ни одного восклицательнаго знака! Скорѣ прибавьте еще. Ну, а теперь пока прощайте, до свиданія. (*Взаимные поклоны, всѣ провожаютъ его до двери. Докторъ Штокманъ уходитъ.*)

Гофс. Онъ для насъ неоцѣненное приобретение.

Асл. Да, пока онъ будетъ ограничиваться вопросомъ о купаньяхъ. Но если онъ пойдетъ далѣе, было бы неразумно слѣдовать за нимъ.

Гофс. Гм! Судя по тому...

Бил. Вы уже черезчуръ робкій человекъ, Аслаксенъ.

Асл. Робкій? Да, г-нъ Виллингъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы нападать на истинныя власти, я робокъ, правда; скажу прямо, я научился осторожности въ школѣ опыта. Дѣло въ томъ, что я ясно сознаю свою отвѣтственность... Истинныя власти; устранить ихъ возможно но, въ такомъ случаѣ, власть можетъ перейти къ лицамъ не компетентнымъ, во вредъ какъ доновладельцевъ, такъ и всѣмъ прочимъ.

Гофс. Но что думаете вы о воспитаніи гражданъ посредствомъ самоуправленія?

Асл. Когда человекъ въ зависимости отъ многихъ практическихъ интересовъ, онъ не можетъ думать обо всемъ, Гофстадъ.

Гофс. Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, я никогда не буду въ зависимости отъ практическихъ интересовъ.

Бил. Слушайте, слушайте!

Асл. (*умблается*). Гм! (*Указывая на конторку*.) Стенгардъ *) раньше васъ возсѣдалъ на редакторскомъ креслѣ.

Бил. (*пмонувъ въ сторону*). Тьфу! Отступникъ!

Гофс. Что касается меня, я не флюгеръ и никогда не угодилъ ему.

Асл. Публицистъ ни за что не долженъ ругаться, Гофстадъ. Что же касается васъ, Виллингъ, вамъ такая заносчивость совсѣмъ ужъ не пристала; развѣ вы не добиваетесь мѣста секретаря при городскомъ совѣтѣ?

Бил. Я!...

Гофс. Правда ли это, Виллингъ?

Бил. Если бы и такъ... вѣдь я, чортъ побери, дѣлаю это только чтобы досадить этимъ болванамъ.

Асл. Ну, положимъ, это меня не касается. Но если меня обвиняютъ въ трусости и непоследовательности, я скажу лишь одно: мой политическій образъ мыслей ни для кого не тайна. Я ни въ чемъ не извинялся, только, быть можетъ, сталъ нѣсколько умѣреннѣе. Сердце мое, попрежнему, принадлежитъ народу; но, я этого не стану отрицать, разумъ мой склоняется на сторону властей, истинныхъ властей, по крайней мѣрѣ. (*Уходитъ въ типографію*.)

Бил. Какъ вы думаете, Гофстадъ, не слѣдовало ли бы намъ избавиться отъ него?

Гофс. А вы знаете кого-либо другого, кто бы поддержалъ насъ въ матеріальномъ отношеніи?

Бил. Чортъ побери! Какъ связываетъ отсутствіе капитала!

Гофс. (*сидя за конторку*). Да, если бы только были у насъ деньги...

Бил. А что если бы вы обратились къ доктору Штокману?

Гофс. (*перелистывая бумаги*). Что толку? У него нѣтъ ни гроша.

Бил. Да, правда; но съ нимъ въ родствѣ человекъ состоятельный, старый Мортэнъ Киль, по прозвищу барсукъ.

Гофс. (*пишетъ*). А развѣ вы такъ увѣрены что у него есть деньги?

Бил. Да, безъ сомнѣнія, провалился я на истѣ! И часть его состоянія, конечно, перейдетъ къ сѣмѣ Штокмана. Долженъ же онъ обезпечить ихъ, хотя бы ради дѣтей.

Гофс. (*говоритъ съ полу-оборотомъ*). Такъ вы на это-то разчитываете?

Бил. Разчитываю? Какъ же могу я разчитывать?

Гофс. И лучше не разчитывайте, также какъ и на то мѣсто секретаря; могу васъ увѣрить, вы не получите его.

Бил. А вы думаете я это не знаю? Я только и желаю получить отказъ. Подобный отпоръ возбуждаетъ духъ оппозиціи, доставляетъ новый занасъ желчи; что и требуется въ проклятой истинности, гдѣ такъ мало живыхъ интересовъ.

Гофс. (*пишетъ*). Да, да, конечно.

Бил. Хорошо же, они скоро услышатъ обо мнѣ! А теперь, я пойду писать воззваніе къ «Ассоціаціи домовладельцевъ». (*Идетъ въ комнату направо*.)

Гофс. (*сидитъ за конторкой, урываетъ перо и бормочетъ*). Гм! вотъ оно какъ... (*Стучатъ въ дверь*.) Войдите. (*Петръ входитъ изъ двери направо*.) (*Вставая*). Какъ вы! Здѣсь!

Петр. Да, извините, если я беспокою васъ...

Гофс. (*пододвигая ей кресло*). Не угодно ли сѣсть?

Петр. Нѣтъ, благодарю; я на одну минутку.

Гофс. Вѣроятно, по порученію вашего отца?

Петр. Нѣтъ, я зашла по собственному дѣлу. (*Вынимая книгу изъ кармана своего пальто*.) Вотъ англійское сочиненіе, которое вы дали мнѣ.

Гофс. Зачѣмъ же вы возвращаете его?

Петр. Потому что я не хочу его переводить.

Гофс. Но вѣдь вы обѣщали...

Петр. Да, но тогда я не прочла его. Вѣроятно, и вы тоже не читали?

Гофс. Нѣтъ; я вѣдь не знаю англійскій языкъ...

Петр. Вотъ именно; поэтому-то я и хотѣла сказать вамъ, что надо выбрать что-нибудь

*) Стенгардъ—начальникъ края, главное дѣйствующее лицо въ „Союзѣ Юношества“, гдѣ фигурируетъ и Аслаксенъ.

другое. (*Кладетъ книгу на столъ*). Это не можетъ быть напечатано въ «Народномъ Вѣстникѣ».

Гофс. Почему же?

Пэт. Потому что сочиненіе это противорѣчитъ всѣмъ вашимъ убѣжденіямъ.

Гофс. Ну, что касается до этого...

Пэт. Вы не поняли меня...

Гофс. ...Издатель не можетъ поступать всегда такъ, какъ желалъ бы. Въ нелюбахъ нерѣдко приходится дѣлать уступки вкусу публики. Да въ концѣ концовъ, самую важную роль въ общественной жизни играетъ политика, по крайней мѣрѣ, для газеты; и, если я хочу, чтобы общество слѣдовало за мной по пути знаципациіи и прогресса, я не долженъ отпугивать его. Читая въ фельетонѣ моральную сказку, оно почувствуетъ себя въ безопасности и благоклоннѣе отнесется къ тому, что напечатано сверху страницы.

Пэт. Какъ вамъ не стыдно! Вы не лицемеръ, чтобы подставлять ловушку вашимъ читателямъ. Вѣдь вы не паукъ.

Гофс. (*улыбаясь*). Благодарю за лестное мнѣніе. Правда, мысль эта принадлежитъ не мнѣ, а Виллингу.

Пэт. Виллингу!

Гофс. Да, по крайней мѣрѣ, онъ на дняхъ толковалъ въ этомъ духѣ. Это ему такъ хотѣлось помѣстить этотъ переводъ въ газетѣ; а мнѣ даже неизвѣстно это сочиненіе.

Пэт. Но какъ же Виллингъ, съ его передовыми взглядами...

Гофс. Гм., Виллингъ — человѣкъ многосторонній. Я слышалъ, онъ добивается мѣста секретаря при городскомъ совѣтѣ.

Пэт. Мнѣ трудно этому повѣрить, Гофстадъ. Какъ могъ онъ унизиться до этого?

Гофс. Объ этомъ спросите его самого.

Пэт. Я никогда не ожидала этого отъ Виллинга.

Гофс. (*пристально глядя на нее*). Въ самомъ дѣлѣ? Это такое откровеніе для васъ?

Пэт. Да. А впрочемъ, — не знаю. Право, не знаю.

Гофс. Сказать по правдѣ, мы, журналисты, не многого стоимъ.

Пэт. Вы говорите серьезно?

Гофс. Да, мнѣ не рѣдко такъ кажется.

Пэт. Конечно, въ ежедневныхъ нелючныхъ драгкахъ... положимъ. Но теперь, когда вы взяли на себя защиту такого великаго дѣла...

Гофс. Вы говорите о дѣлѣ вашего отца?

Пэт. Да, конечно. Я думаю, теперь вы должны сознать себя повыше заурядной толпы.

Гофс. Да, правда, сегодня я сознаю нѣчто такое.

Пэт. Не правда-ли? О, какое славное поприще вы избрали! Быть пионеромъ непризнанныхъ истинъ, новаго, благороднаго образа мы-

слей! Безстрашно поддерживать угнетаснаго человѣка...

Гофс. Особенно, когда человѣкъ этотъ... гм! Я не знаю, какъ выразить это словами...

Пэт. Вы хотите сказать, когда онъ такой правдивый и прямой.

Гофс. (*вполголоса*). Я хочу сказать, когда человѣкъ этотъ — вашъ отецъ...

Пэт. (*вздрыгнувъ*). Такъ вотъ что?

Гофс. Да, Петра... дорогая Петра.

Пэт. Такъ вотъ что для васъ всего важнѣе? А не самое дѣло, не истина, не великое, благородное сердце моего отца?

Гофс. О, и это тоже, разумѣется.

Пэт. Довольно; вы уже достаточно высказались, господинъ Гофстадъ. Теперь, я уже никогда ни въ чемъ не могу вамъ болѣе вѣрить.

Гофс. И вы такъ жестоки ко мнѣ за то, что я, ради васъ?...

Пэт. Я за то порицаю васъ, что вы не прямо дѣйствовали относительно моего отца. Вы высказывались передъ нимъ, какъ будто бы мечтали лишь объ истинѣ и благѣ общества. Вы обманули насъ обоихъ, — и моего отца, и меня... Вы не тотъ человѣкъ, за котораго вы давали себя. И я никогда не прощу вамъ, — никогда!

Гофс. Вамъ не слѣдовало бы говорить такъ рѣзко, — и теперь негѣе, чѣмъ когда-либо.

Пэт. Почему же такъ?

Гофс. Потому что отецъ вашъ не можетъ обойтись безъ моей поддержки.

Пэт. (*смотритъ на него съ презрѣніемъ*). Такъ вотъ что вы за человѣкъ! О позоръ!

Гофс. Нѣтъ, нѣтъ. Это необдуманная слова. Не вѣрьте мнѣ.

Пэт. Я знаю теперь чему вѣрить. Прощайте.

(*Аслаксэнъ, съ таинственнымъ видомъ, постыпно входитъ изъ типографіи.*)

Асл. Чортъ побери, Гофстадъ! (*Замыкаетъ дверь Петру.*) Ахъ!..

Пэт. Вотъ ваша книга. Отдайте перевести ее кому-нибудь другому. (*Направляется къ главному выходу.*)

Гофс. (*слыша за ней*). Одно слово...

Пэт. Прощайте. (*Уходитъ.*)

Асл. Послушайте же, Гофстадъ!...

Гофс. Ну, — въ чемъ дѣло?

Асл. Вургомистръ здѣсь, въ типографіи.

Гофс. Вургомистръ?

Асл. Да. — Онъ хочетъ говорить съ вами; онъ пришелъ заднимъ ходомъ, не желая чтобы его видѣли, — понимаете?

Гофс. Что бы это могло значить? Подождите, я пойду самъ... (*Идетъ къ типографіи, открываетъ дверь, кланяется и приглашаетъ бургомистра войти*). Посмотрите, Аслаксэнъ, чтобы никто...

Асл. Понимаю. (*Уходитъ въ типографію.*)

Бург. Вы не ожидали видѣть меня здѣсь, г-нъ Гофстадъ?

Гофс. Да, правда, — я этого не ожидалъ.

Бург. (*осматриваясь кругомъ*). Какъ у васъ уютно здѣсь; очаровательно.

Гофс. О, помилуйте...

Бург. Я зашелъ къ вамъ, не спросивши вашего позволенія, и теперь отнимаю у васъ драгоценное время...

Гофс. Милости просия, я къ вашимъ услугамъ. Позвольте мнѣ вашу фуражку и трость. (*Беретъ и кладетъ ихъ на стулъ.*) Не угодно ли присѣсть?

Бург. (*сидя у стола*). Благодарю. (*Гофстадъ также садится у стола.*) Вы видите меня совсѣмъ измученнымъ сегодня, г-нъ Гофстадъ.

Гофс. Въ самомъ дѣлѣ? Естественно, при вашихъ многочисленныхъ обязанностяхъ...

Бург. Не онѣ измучили меня сегодня, а братъ мой, докторъ Штокманъ.

Гофс. Въ самомъ дѣлѣ! Докторъ Штокманъ?

Бург. Онъ написалъ нѣчто вродѣ меморандума къ директорамъ, по поводу какихъ-то предполагаемыхъ недосмотровъ въ Купаньяхъ!

Гофс. Неужели?

Бург. Да, развѣ онъ не говорилъ вамъ? А я полагаю, вы это знаете...

Гофс. Ахъ, да,—помнится, онъ что-то говорилъ...

Асл. (*изъ типографіи*). Гофстадъ, дайте же мнѣ рукопись...

Гофс. (*съ досадою*). Гм.; она тамъ, на конторкѣ.

Асл. (*отыскавши ее*). Вотъ она, нашелъ.

Бург. А, да вѣдь это та самая...

Асл. Да, г-нъ бургомистръ, это статья доктора.

Гофс. А! такъ вы о ней-то сейчасъ говорили?

Бург. Да, конечно. Какое ваше мнѣніе объ этой статьѣ?

Гофс. Я—не специалистъ, и усіялъ лишь мелькомъ взглянуть въ нее.

Бург. И между тѣмъ, вы хотѣли ее печатать?

Гофс. Не могу же я отказаться напечатать подписанное сообщеніе...

Асл. Что касается меня, я не имѣю ничего общаго съ изданіемъ газеты, г-нъ бургомистръ.

Бург. Конечно, я это знаю.

Асл. Я печатаю то, что передаютъ мнѣ.

Бург. Конечно, конечно.

Асл. Поэтому, я долженъ... (*Направляется къ типографіи.*)

Бург. Одну минуту, г-нъ Аслаксенъ. Если позволите, г-нъ Гофстадъ...

Гофс. Сдѣлайте одолженіе, г-нъ бургомистръ.

Бург. Вы,—человѣкъ разсудительный и благородный, г-нъ Аслаксенъ.

Асл. Благодарю за хорошее мнѣніе, г-нъ бургомистръ.

Бург. И человѣкъ съ большимъ вліяніемъ.

Асл. Главнымъ образомъ—въ низшихъ слояхъ общества.

Бург. Мелкіе плательщики и здѣсь, какъ и вездѣ,—составляютъ большинство.

Асл. Да, правда.

Бург. И я не сомнѣваюсь, что вамъ извѣстно общее настроеніе среди нихъ. Не такъ ли?

Асл. Да, я не могу это отрицать, г-нъ бургомистръ.

Бург. И такъ, если среди бѣднѣйшихъ гражданъ господствуетъ такой похвальный духъ самопожертванія...

Асл. Что вы хотите сказать?

Гофс. Самопожертванія?

Бург. Это прекрасная черта общественнаго настроенія,—черта, достойная удивленія. Признаюсь, это даже болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Но, разувѣется, вамъ лучше знать общественное настроеніе.

Асл. Да... но... г-нъ бургомистръ...

Бург. И безъ сомнѣнія, жертва, которую придется принести городу, весьма значительна.

Гофс. Какъ,—городу?

Асл. Но, сколько я понимаю, дѣло идетъ о Купаньяхъ...

Бург. Судя по предварительной общей оцѣнкѣ, измѣненія, которыя докторъ считаетъ желательными, будутъ стоить отъ 2-хъ до 3-хъ сотъ тысячъ талеровъ.

Асл. Цифра весьма значительная; но...

Бург. Конечно, — придется прибѣгнуть къ муниципальному займу.

Гофс. (*вставая*). Какъ, вы думаете, городъ?..

Асл. Неужели вы хотите возвысить налоги? Уменьшить скудные сбереженія низшаго средняго сословія?

Бург. Но, любезный Аслаксенъ, откуда же еще достать необходимые фонды?

Асл. Объ этомъ слѣдуетъ позаботиться акціонерамъ Купаній.

Бург. Акціонеры не въ состояніи принять на себя дальнѣйшія затраты.

Асл. Вы въ этомъ вполне увѣрены, г-нъ бургомистръ?

Бург. Свѣдѣнія мои вполне достовѣрны. Поэтому, если пожелаютъ сдѣлать всѣ эти обширныя измѣненія, расходы придется принять на себя городу.

Асл. О, чортъ бы побралъ!.. Прошу извиненія! но вѣдь это совершенно мѣняетъ все дѣло, Гофстадъ!

Гофс. Да, разувѣется.

Бург. Всего хуже то, что намъ придется закрыть заведеніе года на два.

Гофс. Какъ? Совсѣмъ закрыть?

Асл. На цѣлыхъ два года!

Бург. Да, работы потребуютъ, по крайней мѣрѣ, два года.

Асл. Но, чортъ поберн! Мы не можемъ согласиться на это, г-нъ бургомистръ. Какъ же мы, домовладѣльцы, будемъ существовать это время?

Бург. Трудно сказать, г-нъ Аслаксенъ. Но что подѣлаешь? Неужели вы полагаете, — у насъ будетъ хотя бы одинъ посѣтитель, если мы станемъ распространять слухи, будто бы вода отравлена, вся мѣстность заражена, весь городъ...

Асл. И вы думаете, все это одна фантазія?

Бург. При всемъ желаніи, я не вижу доводовъ, которые убѣдили бы меня въ противномъ.

Асл. Если такъ, это совершенно непростительно со стороны доктора Штокмана... извините меня, г-нъ бургомистръ, но...

Бург. Нельзя не признаться, вы говорите только правду, г-нъ Аслаксенъ. Къ несчастью, братъ мой всегда отличался опрометчивостью.

Асл. А вы то собирались поддерживать его, Гофстадъ!

Гофс. Но кто же могъ подумать!...

Бург. Я составилъ краткое сообщеніе объ этомъ дѣлѣ, какъ оно представляется съ разумной точки зрѣнія; и я намекнулъ, что, безъ сомнѣнія, всѣ недостатки могутъ быть исправлены мѣрами, согласованными съ финансовымъ положеніемъ купаній.

Гофс. Статья эта при васъ, г-нъ бургомистръ?

Бург. (ищетъ въ карманахъ). Да, я захватилъ ее на случай, если вы...

Асл. (постынно). Чортъ поберн, — вотъ и онъ самъ!

Бург. Кто? Братъ мой?

Гофс. Гдѣ? гдѣ?

Асл. Онъ входитъ чрезъ типографію.

Бург. Вотъ досада! Я не хочу встрѣчаться съ нимъ здѣсь и, въ то же время, мнѣ нужно кой о чемъ переговорить съ вами.

Гофс. (указывая на дверь направо). Пройдите туда на минуту.

Бург. Но... какъ же?

Гофс. Вы застанете тамъ одного Биллинга.

Асл. Поспѣшите, г-нъ бургомистръ, онъ сейчасъ войдетъ.

Бург. Ну, хорошо. Постарайтесь избавиться отъ него поскорѣй. (Уходитъ въ дверь направо, которую Аслаксенъ отворяетъ и заворачиваетъ за нимъ.)

Гофс. Притворитесь, что вы очень заняты, Аслаксенъ. (Садится и пишетъ. Аслаксенъ перебираетъ кучу газетъ на стулѣ направо.)

Док. Шток. (входя изъ типографіи). Вотъ я и опять зашелъ къ вамъ. (Кладетъ на стулъ шляпу и трость.)

Гофс. (не переставая писать). Такъ скоро, докторъ? Поторопитесь, Аслаксенъ, съ тѣмъ дѣломъ, о которомъ мы съ вами говорили. Сегодня мы не должны терять времени.

Док. Шток. (обращаясь къ Аслаксену). А оттискъ, кажется, еще не готовъ?

Асл. (не оборачиваясь). Нѣтъ; неужели вы ожидали такъ скоро?

Док. Шток. Разумѣется, нѣтъ; но вы понимаете мое нетерпѣніе. Я не буду ни минуты покоя, пока не увижу мою статью въ печати.

Гофс. Гм.; а ждать вамъ придется еще долго. Неправда ли, Аслаксенъ?

Асл. Да, боюсь что такъ.

Док. Шток. Хорошо, хорошо, друзья мои; я найду еще разъ, — и два раза, если понадобится. Когда столько поставлено на карту, — благосостояніе всего города, — тогда звать не время. (Собирается уходить, но останавливается.) Ахъ, да, — я хотѣлъ поговорить съ вами еще о другомъ предметѣ.

Гофс. Извините меня, нельзя ли отложить до другаго раза?

Док. Шток. Я изложу вамъ все въ двухъ словахъ. Вотъ въ чемъ дѣло: когда мои сограждане прочтутъ завтра сообщеніе мое въ газетѣ и узнаютъ, что я провелъ всю прошлую зиму, работая для благосостоянія города...

Гофс. Да, но докторъ...

Док. Шток. Я знаю, что вы хотите сказать. Вы думаете, что я исполнилъ лишь свой долгъ, — долгъ гражданина. Конечно, я это знаю, также какъ и вы. Но видите ли, мои сограждане — Богъ съ ними, — такого высокаго мнѣнія обо мнѣ...

Асл. Да, правда, докторъ, — до настоящаго времени о васъ были очень высокаго мнѣнія.

Док. Шток. Вотъ именно почему я боюсь... я боюсь, что когда они все это узнаютъ, — особенно бѣднѣйшее сословіе, — и должны будутъ взять въ свои руки дѣла города....

Гофс. (вставая). Гм., докторъ, я не скрою отъ васъ, что...

Док. Шток. Ага! Я такъ и думалъ, что что-то затѣвается! Но я и слышать объ этомъ не хочу. Если они что-либо замышляютъ...

Гофс. Т.-е. — что же?

Док. Шток. Ну, что-нибудь такое, — процессію съ знаменами, или публичный обѣдъ, или адресъ, словось — что бы то ни было, — общайте мнѣ, что вы этого не допустите. И вы также, Аслаксенъ; слышите?

Гофс. Извините меня, докторъ; но ужъ лучше сказать вамъ всю правду, сначала до конца...

(Входитъ г-жа Штокманъ.)

Г-жа Шток. (При видѣ доктора). А! я такъ и думала!

Гофс. *(идеть къ ней на встрѣчу)*. И г-жа Штокманъ!...

Док. Шток. На кой чортъ пришла ты сюда, Катерина?

Г-жа Шток. Ты прекрасно знаешь зачѣмъ я пришла.

Гофс. Не угодно ли сѣсть? Или, быть можетъ?.

Г-жа Шток. Благодарю васъ; не безпокойтесь. И не браните меня, что я пришла сюда за мужемъ,—вспомните, что у меня трое человѣкъ дѣтей.

Док. Шток. Что за чепуха! Мы всё это прекрасно знаемъ!

Г-жа Шток. Не похоже, чтобы, въ эту минуту, ты заботился о своей женѣ и дѣтяхъ,—ты бы не рѣшился тогда всѣхъ насъ дѣлать несчастными.

Док. Шток. Да ты съума сошла, Катерина! Или человѣкъ, у котораго жена и дѣти,—не можетъ открыто исповѣдывать истину, не можетъ быть дѣятельнымъ и полезнымъ гражданиномъ, исполнять свой долгъ по отношенію къ городу, гдѣ онъ живетъ?

Г-жа Шток. Да, но въ духѣ умѣренности, Томасъ.

Асл. Вотъ именно, что я всегда говорю. Умѣренность—во всемъ.

Г-жа Шток. Вы дѣлаете намъ великое зло, г-нъ Гофстадъ, отвлекая мужа моего отъ семьи и дома, и одурачивая его такимъ образомъ...

Гофс. Я никого не одурачивалъ.

Док. Шток. Это меня то! И ты думаешь, я позволилъ бы себя одурачить?

Г-жа Шток. Да, ты позволилъ. Я знаю, Томасъ, что ты самый умный человѣкъ во всемъ городѣ; но тебя такъ легко обойти! *(Обращаясь къ Гофстаду)*. Вспомните, что онъ потеряетъ свое мѣсто врача при купаньяхъ, если вы напечатаете его статью...

Асл. Какъ!

Гофс. Но, въ самомъ дѣлѣ, докторъ...

Док. Шток. *(смѣясь)*. Ха, ха! пусть попробуютъ! Нѣтъ, милая, они дважды подумаютъ прежде чѣмъ рѣшиться на это! Видишь ли, вѣдь за меня стоитъ сплоченное большинство.

Г-жа Шток. Въ томъ то и горе, что ты связался со всѣмъ этимъ.

Док. Шток. Пустое, Катерина; ступай домой и занимайся домашними дѣлами, а меня оставь заниматься дѣлами общественными. Какъ можешь ты такъ пугаться, видя меня спокойнымъ и счастливымъ? *(Потирая руки и прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ)*. Настанетъ день, когда побѣда будетъ на сторонѣ истины и народа; сомнѣнія въ этомъ нѣтъ. Да! Я вижу яснымъ взоромъ торжествующую демократію!.. *(Остановившись около стула)*. Что же это, чортъ поберетъ?

Асл. *(постыдовавши за нимъ взглядомъ)*. О, Боже мой!

Гофс. *(одновременно)*. Гм!

Док. Шток. Да вѣдь это голова административной власти! *(Осторожно беретъ фуражку бюромиистра кончиками пальцевъ и поднимаетъ ее.)*

Г-жа Шток. Фуражка бюромиистра!

Док. Шток. А вотъ и официальный жезлъ! Но какъ-же попало это сюда, чортъ поберетъ?..

Гофс. Такъ я ужъ скажу вамъ...

Док. Шток. А! Понимаю. Онъ приходилъ побесѣдовать съ вами. Ха, ха! Попалъ не совсемъ то удачно! И когда увидалъ меня въ типографіи... *(Разражается хохотомъ.)* Онъ обратился въ бѣгство!—не такъ-ли Аслаксенъ?

Асл. *(постышно)*. Да, да, именно такъ; онъ обратился въ бѣгство, докторъ.

Док. Шток. И въ попыткахъ забылъ свою трость и... Вздоръ! Петеръ никогда ничего не оставлялъ у себя за спиной. Но куда же, чортъ поберетъ, вы запрятали его? А!—онъ, конечно, тамъ. Вотъ увидишь правъ ли я, Катерина!

Г-жа Шток. Томасъ!.. Умоляю тебя!..

Асл. Осторожнѣе, докторъ!

(Докторъ Штокманъ надѣваетъ фуражку бюромиистра и беретъ въ руку его трость; затѣмъ идетъ къ двери, открываетъ ее настежь и отдаетъ честь по-военному. Бюромиистръ входитъ, красный отъ злости. За нимъ слѣдомъ идетъ Виллингъ.)

Бург. Что означаетъ все это сумасбродство?

Док. Шток. Честь и мѣсто мнѣ, милѣйшій Петеръ! Теперь, первая власть въ городѣ—я!

(Важно маршируетъ взадъ и впередъ по комнатѣ.)

Г-жа Шток. *(почти плача)*. О, Томасъ!..

Бург. *(идя за нимъ слѣдомъ)*. Отдай мнѣ мою фуражку и трость!

Док. Шток. *(также какъ прежде)*. Я—бюромиистръ! Говорю тебѣ, я—повелитель всего города!

Бург. Сними сейчасъ-же мою фуражку. Не забывай, что это фуражка официальная, предписанная закономъ.

Док. Шток. Пустое! Или ты воображаешь, твоя официальная фуражка испугаетъ! Такъ знай,—завтра же совершится переворотъ. Ты грозилъ отставить меня отъ должности; но теперь я отставляю тебя,—отъ всѣхъ твоихъ должностей. А, ты полагаешь,—я не могу этого сдѣлать? Ошибаешься! Гофстадъ и Виллингъ будутъ гронить въ «Народномъ Вѣстникѣ», Аслаксенъ вступитъ въ борьбу во главѣ всей ассоціаціи домовладѣльцевъ...

Асл. Не я, докторъ.

Док. Шток. Неужели,—вы...

Бург. А-га! Быть можетъ, г-нъ Гофстадъ, въ концѣ концовъ, пожелаетъ присоединиться къ агитаціи?

Гофс. Конечно нѣтъ, г-нъ бургомистръ.

Асл. Нѣтъ, Гофстадъ не такъ безразсуденъ, чтобы губить и себя, и газету, ради какой-то пустой фантазіи.

Док. Штом. (*озираясь кругомъ*). Что-же все это значить?

Гофс. Вы представили ваше дѣло въ ложномъ свѣтѣ, докторъ; поэтому, я не могу оказать вамъ поддержки.

Бил. И послѣ всего что г-нъ бургомистръ потрудился объяснить мнѣ, я...

Док. Штом. Въ ложномъ свѣтѣ! Но вѣдь я отвѣтствененъ за это. Напечатайте только мою статью, и я докажу все, до послѣдняго слова.

Гофс. Я не напечатая ее. Я не могу и не смѣю печатать ее.

Док. Штом. Вы не смѣете? Что за вздоръ! Вы—редакторъ; надо полагать, редакторъ даетъ направленіе своей газетѣ.

Асл. Нѣтъ, не редакторъ, докторъ, а читатели.

Бил. Да, къ счастью, это такъ.

Асл. Общественное мнѣніе, интеллигентное большинство, домовладѣльцы и т. под.,—вѣтъ кто направляетъ газету.

Док. Штом. И всѣ эти силы—противъ меня?

Асл. Да, безъ сомнѣнія. Напечатать статью вашу—значило бы разорить городъ.

Док. Штом. Въ самомъ дѣлѣ!

Бург. Отдай же мнѣ мою фуражку и трость! (*Докторъ Штокманъ снимаетъ фуражку и кладетъ ее на столъ вмѣстѣ съ тростью.*

Бургомистръ беретъ то и другое.)

Бург. Какъ видишь, угроза твоя довольно несвоевременна.

Док. Штом. Посмотрижь. (*Обращаясь къ Гофстаду.*) И такъ, напечатать мою статью въ «Народномъ Вѣстникѣ»—невозможно?

Гофс. Вполнѣ невозможно; если не по другимъ причинамъ, то хотя бы въ интересахъ вашей семьи.

Г-жа Штом. О, прошу васъ, г-нъ Гофстадъ, не принимайте въ соображеніе его семью.

Бург. (*вынимаетъ рукопись изъ своего кармана*). Когда это появится въ печати, публика получитъ всѣ нужныя свѣдѣнія; это—достоверное изложеніе фактовъ. Вотъ возьмите.

Гофс. (*беретъ рукопись*). Хорошо-съ! Статья ваша, конечно, будетъ напечатана.

Док. Штом. Какъ, а мнѣ вы отказываете!? И вы думаете этия заговоромъ молчанія задуть и меня, и истину! Но это не такъ-то легко. Г-нъ Аслаксенъ, не потрудитесь-ли напечатать мою статью отдѣльной брошюрой? Я заплачу вамъ, и буду собственнымъ издателемъ. Мнѣ нужно 500, нѣтъ 600 экземпляровъ.

Асл. Ну, нѣтъ-съ; еслибы вы заплатили мнѣ на вѣсь золота, я бы не осмѣлился оказать содѣйствіе подобной цѣли, докторъ. Я не могу идти противъ общественнаго мнѣнія. И никто, во всемъ городѣ, не согласится напечатать вашу статью.

Док. Штом. Такъ возвратите мнѣ ее.

Гофс. (*подавая ему рукопись*). Извольте.

Док. Штом. (*беретъ свою шляпу и трость*). Все равно, она будетъ известна публикѣ. Я прочту ее на публичномъ собраніи; всѣ мои сограждане услышатъ голосъ правды!

Бург. Ни одно общество во всемъ городѣ не согласится дать тебѣ залы для подобной цѣли.

Асл. Конечно, ни одно не согласится.

Бил. Разумѣется, нѣтъ, провалился я на нѣстѣ!

Г-жа Штом. Это было бы слишкомъ возмутительно! И почему всѣ такъ вооружены противъ тебя?

Док. Штом. (*замалчивая*). Почему? Я скажу тебѣ почему. Потому что въ этомъ городѣ всѣ мужчины—старыя бабы вродѣ тебя. Всѣ они думаютъ лишь о своихъ семьяхъ, а не объ общественномъ благѣ.

Г-жа Штом. (*беретъ его подъ руку*). Такъ я покажу мнѣ, что и старая баба можетъ быть иногда мужчиной, потому что те н е р ь я стою за тебя, Томасъ.

Док. Штом. Хорошо сказано, Катерина! Клянусь, правда одержитъ верхъ. Если мнѣ не дадутъ залы, я возьму на прокатъ барабанъ и пойду съ нимъ черезъ весь городъ,—и буду читать мою статью на каждомъ перекресткѣ улицы.

Бург. Надѣюсь,—ты не рехнулся до такой степени.

Док. Штом. Напрасная надежда.

Асл. Никто во всемъ городѣ не согласится идти съ вами.

Бил. Конечно нѣтъ,—провалился я на нѣстѣ!

Г-жа Штом. Не унывай, Томасъ. Я пошла съ тобой нашихъ мальчиковъ.

Док. Штом. Вотъ прекрасная мысль!

Г-жа Штом. Мортэнъ пойдетъ съ вострогомъ, и Эйлифъ, конечно, тоже.

Док. Штом. Конечно,—и Петра тоже. Да и ты сама, Катерина!

Г-жа Штом. Нѣтъ, мое мѣсто не тамъ. Я останусь дома и буду слѣдить за вами изъ окна.

Док. Штом. (*обнимая и цѣлуя ее*). Спасибо тебѣ, спасибо! Теперь, милостивые государи, мы готовы для борьбы! Теперь посмотримъ, можетъ-ли ваша трусость зажать ротъ патриоту, который стренится ко благу общества. (*Онъ и жена его уходятъ въ дверь на лѣво.*)

Бург. (*сомнительно покачивая головою*). Онъ и ее свелъ теперь съ ума.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Старомодная зала въ домъ капитана Горстера. Створчатая дверь въ глубинѣ сцены ведетъ въ переднюю. Съ противоположной стороны, около середины, — подмостки; на нихъ стоитъ небольшой столъ, на немъ 2 свѣчи, графинъ, стаканъ и колокольчикъ. Остальная часть залы освѣщена канделябрами, вислицами между окнами. Напротивъ, слева, — столъ, на немъ свѣча, около стола — стулъ. Справа — дверь, около нея — нѣсколько стульевъ. Многочисленное собраніе горожанъ разныхъ сословій. Въ толпѣ — нѣсколько женщинъ и школьниковъ. Зала постепенно наполняется входящими народомъ.

1-й горожанинъ (*обращаясь къ другому, стоящему возлѣ него*). И вы здѣсь тоже, Лакстадъ?

2-й гор. Я всегда бываю на всѣхъ собраніяхъ.

3-й гор. Вѣроятно, — захватили свистокъ?

2-й гор. Разузнется; а вы?

3-й гор. Тоже. А Скиперъ Ивенсаъ хотѣлъ привести большой рогъ.

2-й гор. Вотъ такъ колодець Ивенсаъ! (*Смѣхъ въ группѣ*.)

4-й гор. (*присоединяясь къ нимъ*). А не знаете-ли, — зачѣмъ всѣ собрались? О чемъ будетъ толкъ?

2-й гор. Да какъ же, — докторъ Штокманъ будетъ говорить противъ бургомистра.

4-й гор. Да вѣдь бургомистръ — его братъ?

1-й гор. Это ничего не значитъ. Докторъ Штокманъ не боится его.

3-й гор. Но вѣдь онъ не правъ; такъ говорить „Народный Вѣстникъ“.

2-й гор. Да, на этотъ разъ онъ, видно, неправъ; ни ассоціація домовладѣльцевъ, ни городской клубъ не согласились дать ему залу.

1-й гор. Ему даже отказали въ залѣ Купаній.

2-й гор. Да, я это слышалъ тоже.

5-й гор. (*изъ другой группѣ*). Такъ за кого же подавать голосъ въ этотъ дѣль, — кто знаетъ?

6-й гор. (*изъ той же группѣ*). Слушайте, что будетъ говорить Аслаксенъ и вторые ему.

Бил. (*съ бумагами въ рукѣ, проталкиваясь черезъ толпу*). Извините, господа. Позвольте пройти. Я здѣсь въ качествѣ репортера „Народнаго Вѣстника“. — Благодарю васъ. (*Садится за столъ нальво.*)

Рабочій. Кто же это?

Другой раб. Развѣ жъ ты его не знаешь? Это тотъ Виллингъ, что пишетъ для газеты Аслаксена.

(*Капитанъ Горстеръ входитъ въ дверь направо, сопровождаемый женою Штокманъ и Петру. За ними следуютъ Эйлифъ и Мортенъ*).

Горс. Вамъ здѣсь будетъ всего удобнѣе;

отсюда легко уйти незамѣченными — въ случаѣ чего.

Г-жа Шток. А вы думаете, — что — нибудь можетъ случиться?

Горс. Трудно заранѣе предвидѣть, — при такой толпѣ. Но вамъ нѣтъ причины беспокоиться.

Г-жа Шток. Какъ вы добры, что дали ему вашу залу!

Горс. Такъ какъ всѣ отказывались, я...

Пэт. И какъ это сдѣло съ вашей стороны!

Горс. Ну смѣлости на это надо немного.

(*Въ эту минуту входятъ Гофстадъ и Аслаксенъ, проталкиваясь черезъ толпу, каждаго отдѣльно*).

Асл. (*подходя къ Горстеру*). Развѣ доктора еще нѣтъ?

Горс. Онъ здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ.

(*Движеніе около входной двери*.)

Гофс. (*обращаясь къ Виллину*). Смотрите, вотъ и бургомистръ!

(*Бургомистръ, съ любезной улыбкой, проходитъ среди толпы, вѣжливо кланяясь на обѣ стороны, и становится у стѣны нальво. Черезъ минуту, изъ двери направо входитъ докторъ Штокманъ. На немъ черный сюртукъ и бѣлый галстукъ. Слабый рукоплесканія, среди которыхъ раздаются шиканье. Молчаніе*.)

Док. Шток. (*вполголоса*). Какъ ты чувствуешь себя, Катерина?

Г-жа Шток. О, — отлично. (*Тихо*.) Будь поддержаннѣе, Томаъ.

Док. Шток. Будь покойна, я съумѣю сдержаться. (*Смотритъ на часы, входитъ на подмостки и кланяется*.) Уже $\frac{1}{4}$ часа позднѣе назначеннаго часа, поэтому я начинаю... (*Внимаетъ рукописи*.)

Асл. Но, я полагаю, надо прежде избрать предсѣдателя.

Док. Шток. Это совершенно лишнее.

Нѣсколько голосовъ (*кричатъ*). Предсѣдателя, предсѣдателя!

Бург. Я тоже полагаю, — слѣдуетъ избрать предсѣдателя.

Док. Шток. Но, Петеръ, — я совалъ это собраніе для публичной лекціи!

Бург. Лекція доктора Штокмана можетъ вызвать разногласіе въ мнѣніяхъ.

Нѣск. гол. въ толпѣ. Предсѣдателя! Предсѣдателя!

Гофс. Большинство собранія—за избраніе предсѣдателя.

Док. Шток. (*сдерживаясь*). Хорошо; пусть будетъ такъ.

Асл. Не угодно ли г-ну бургомистру занять предсѣдательское кресло?

Трое челов. изъ толпы (*аплодируя*). Bravo! bravo!

Бург. По причинамъ, которыя понять легко, я долженъ отказаться отъ этой чести. Но, къ счастью, между нами есть лицо, на которое, думаю, мы можемъ всё сойтись. Я говорю о предсѣдателѣ Ассоціаціи домовладѣльцевъ—г-нѣ Аслаксенѣ.

Много голосовъ. Да, да! Да здравствуетъ Аслаксенъ! Ура!

(*Докторъ Штокманъ беретъ свою рукопись и сходитъ съ подмостковъ.*)

Асл. Если сограждане мои призываютъ меня, я не могу отказаться...

(*Аплодисменты и рукоплесканія, Аслаксенъ входитъ на подмостки.*)

Бил. (*пишетъ*). Отвѣтнѣ... „Г-нѣ Аслаксенъ былъ избранъ единогласно“.

Асл. Такъ какъ меня избрали предсѣдателемъ, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ почтенному собранію. Я—человѣкъ спокойный, миролюбивый; я стою за разумную умѣренность... и за умѣренное благоразуміе. Всякій, кто меня знаетъ, подтвердитъ это.

Много голосовъ. Да, да!

Асл. Въ школѣ жизни и опыта я узналъ, что умѣренность—та добродѣтель, которая всего полезнѣе каждому индивидуальному гражданину...

Бург. Слушайте, слушайте!

Асл. И тѣ же благоразуміе и умѣренность служатъ интересамъ общины. Поэтому я прошу нашихъ уважаемыхъ согражданъ, собравшихся здѣсь, не выходить изъ предѣловъ умѣренности.

Голосъ. (*у двери*). Да здравствуетъ Общество трезвости!

Голоса въ толпѣ. Убирайся къ чорту!

Голоса. Тихе! тихе!

Асл. Прошу васъ не прерывать, господа!—Не угодно ли кому-нибудь сдѣлать замѣчанія?

Бург. Г-нѣ предсѣдатель!

Асл. Г-нѣ бургомистръ желаетъ говорить.

Бург. Вслѣдствіе моего близкаго родства,—вѣроятно извѣстнаго вамъ,—къ главному врачу при купаньяхъ, я предпочелъ бы не говорить сегодня. Но положеніе мое по отношенію къ купаньямъ и забота о важнѣйшихъ интересахъ города—побуждаютъ меня сдѣлать заявленіе. Я могу утвердительно сказать, что

ни одинъ изъ присутствующихъ здѣсь гражданъ не считаетъ желательнымъ, чтобы распространялись невѣрныя и преувеличенныя сдѣвія о санитарномъ положеніи нашихъ купаній.

Много голосовъ. Нѣтъ, нѣтъ! Разумѣется! Мы протестуемъ!

Бург. Поэтому, я прошу сдѣлать заявленіе, что собраніе отказывается выслушать лекціи или рѣчь объ этомъ предметѣ главнаго врача при купаньяхъ.

Док. Шток. (*Запальчиво*). Отказывается выслушать! Что вы хотите сказать?

Г-жа Шток. (*покашливаетъ*). Гм! гм!

Док. Шток. (*сдерживаясь*). Такъ меня не желаютъ выслушать?

Бург. Въ моей статьѣ въ „Народномъ Вѣстникѣ“ я сообщаю публикѣ главные факты, такъ что всё благомыслящее граждане легко могутъ вывести свои собственные заключенія. Изъ этого сообщенія вы увидите, что предложеніе главнаго врача,—не говоря уже о критикѣ, направленной противъ первыхъ властей въ городѣ,—въ сущности, сводится лишь къ тому, чтобы обременить плательщиковъ ненужной затратой по крайней мѣрѣ въ 100000 талеровъ.

(*Ропотъ и шипанье*).

Асл. (*звонитъ въ колокольчикъ*). Тихе господа! Я позволю себѣ поддержать резолюцію г-на бургомистра. Я вполне согласенъ съ нимъ, что подъ агитаціей доктора скрывается нѣчто другое. Говоря о преобразованіи купаній, въ дѣйствительности,—онъ стремится къ перевороту—къ новому распредѣленію административной власти. Никто не сомнѣвается въ благонамѣренности стремленій доктора,—объ этомъ, конечно, не можетъ быть двухъ мнѣній. Я тоже склоняюсь къ народному самоуправленію, если это не слишкомъ дорого обойдется плательщикамъ. Но, въ данномъ случаѣ, послѣднее неизбежно; и слѣдовательно я, чортъ побери,—извините меня,—въ данномъ случаѣ, я не могу идти за одно съ докторомъ Штокманомъ. Даже золото можетъ быть пріобрѣтено слишкомъ дорогой цѣной. Таково мое мнѣніе.

(*Громкія рукоплесканія со всѣхъ сторонъ.*)

Гофс. Я тоже чувствую себя обязаннымъ пояснить свой образъ дѣйствій. Вначалѣ агтація доктора Штокмана, казалось, была встрѣчена многими благопріятно, и я старался поддерживать ее, по возможности, безпристрастно. Но вѣтви оказалось, насъ ввели въ заблужденіе ложнымъ сообщеніемъ...

Док. Шток. Ложнымъ сообщеніемъ!..

Гофс. Или, если хотите,—недостовѣрнымъ сообщеніемъ. Это доказала статья г-на бургомистра. Надѣюсь, никто изъ присутствующихъ не сомнѣвается въ либеральности моихъ взглядовъ; всѣмъ вамъ хорошо извѣстно отношеніе

„Народнаго Вѣстника“ ко всѣмъ великимъ политическимъ вопросамъ. Но я знаю отъ людей опытныхъ и осмотрительныхъ, что въ вопросахъ истиннаго интереса печатный органъ долженъ соблюдать известную осторожность.

Асл. Я вполне согласенъ съ высказаннымъ мнѣніемъ.

Гофс. Въ вопросѣ же, подлежащемъ обсужденію, общественное мнѣніе, очевидно,—противъ доктора Штокмана. Но, господа, въ чемъ же заключается 1-я и главная обязанность редактора? Не въ томъ ли, чтобы идти рука объ руку съ своими читателями? Не получить ли онъ какъ бы полномочіе ревностно и неустанно заботиться объ интересахъ своихъ довѣрителей? Или я ошибаюсь?

Много голосовъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Гофстадъ правъ!

Гофс. Не легко было мнѣ рѣшиться разорвать съ человѣкомъ, въ домѣ котораго, послѣднее время, я былъ частымъ гостемъ,—съ человѣкомъ, который, до этого дня, пользовался всеобщимъ расположеніемъ своихъ согражданъ,—съ человѣкомъ, котораго единственный или, по крайней мѣрѣ, главный недостатокъ въ томъ, что онъ болѣе слѣдуетъ внушеніямъ своего сердца, чѣмъ разума.

Нѣсколько голосовъ. Правда! Да здравствуетъ докторъ Штокманъ!

Гофс. Но обязанности мои относительно общины заставили меня разорвать съ нимъ. Притомъ, есть и другое соображеніе, побуждающее меня противодѣйствовать ему и, по возможности, отвлечь его отъ гибельнаго пути, на который онъ вступаетъ: состраданіе къ его семьѣ...

Док. Шток. Говорите только о сточныхъ трубахъ!

Гофс. ...Состраданіе къ его женѣ и необеспеченнымъ дѣтямъ.

Морт. Это онъ о насъ, мама?

Г-жа Шток. Т-с!

Асл. Я предлагаю теперь на голосованіе мнѣніе г-на бургомистра.

Док. Шток. Совсѣмъ лишнее. Я ни слова не скажу сегодня вечеромъ объ этихъ зараженныхъ купаньяхъ. Нѣтъ! вы услышите нѣчто другое.

Бург. (столмолова). Что же еще!

Пьяный человѣкъ (у главнаго входа). Я—плательщикъ и имѣю потону право голоса. Мое твердое, нерушимое мнѣніе, что...

Нѣск. гол. Тше тамъ!

Друг. гол. Онъ пьянъ! Вывести его!

(Пьянаго человека выводятъ.)

Док. Шток. Могу я говорить?

Асл. (звонитъ въ колокольчикъ). Докторъ Штокманъ желаетъ говорить.

Док. Шток. Попробовали бы зажать мнѣ ротъ нѣсколько дней тому назадъ! Я боролся

бы, какъ левъ, за свои священные права. Но теперь мнѣ все равно, теперь я долженъ говорить о болѣе важныхъ предметахъ. (Толпа собирается вокругъ него. Въ переднихъ рядахъ стоитъ Мортанъ Киль. Докторъ Штокманъ продолжаетъ.) Послѣдніе дни я думалъ и передумалъ о столькихъ предметахъ, что голова у меня пошла кругомъ...

Бург. (многозначительно покашливая). Гм!

Док. Шток.... Но теперь мысли мои прояснились, и я уразумѣлъ суть всего дѣла. Вотъ почему вы видите меня здѣсь сегодня вечеромъ. Сограждане! Я долженъ сообщить вамъ открытіе несравненно болѣе важное, чѣмъ тотъ нескладный фактъ, что наши трубы отравлены и наши цѣлебныя мѣста построены на зараженной почвѣ.

Много гол. (кричатъ). Не говорите о купаньяхъ! Мы не хотимъ слушать! Довольно объ этомъ!

Док. Шток. Я уже сказалъ, что буду говорить о великомъ открытіи, которое сдѣлалъ на дняхъ,—что все наше общество заражено ложью.

Нѣск. гол. (удивленные, столмолова). Что онъ говорить?

Бург. Такая инсинуація...

Асл. (протыкая руку къ колокольчику).

Я прошу оратора умирить свои выраженія.

Док. Шток. Я любилъ свой родной городъ, какъ только человѣкъ можетъ любить мѣсто своего рожденія. Я былъ молодъ, когда покинулъ нашъ городъ; отдаленность, тоска по родинѣ, воспоминанія—все освѣщало, въ моихъ глазахъ, радужнымъ цвѣтомъ и самую мѣстность и ея обитателей. (Аплодисменты и одобрительныя возгласы.) Затѣмъ я, на цѣлые годы, былъ изгнанъ въ ужасный край, далеко на сѣверѣ. И когда мнѣ приходилось сталкиваться съ народомъ, разсѣяннымъ по каменистой пустынѣ, мнѣ казалось не разъ, что этихъ несчастныхъ, униженныхъ созданій нуженъ ветеринаръ, а не человѣкъ, какъ я.

(Ротъ въ толпѣ.)

Бил. (откладывая перо). Провались я на мѣстѣ, если слышалъ когда что-либо подобное!

Гофс. Такъ оскорблять достойное сельское населеніе!

Док. Шток. Пойдите! Врядъ ли кто можетъ упрекнуть меня, что я позабылъ тамъ о своемъ родномъ городѣ. Я думалъ долгія думы, и результатомъ этихъ думъ явился прозекъ купаній. (Его прерываютъ аплодисментами.) И когда, наконецъ, судьба такъ счастливо повернулась для меня, что я могъ возвратиться на родину,—тогда, сограждане, мнѣ казалось, у меня уже нѣтъ другаго желанія въ мірѣ. Нѣтъ, одно желаніе я имѣлъ: постоянное пламенное стремленіе принести пользу моей родинѣ и моимъ соотечественникамъ.

Бург. *(глядя въ пространство)*. Страшный способ избралъ онъ для этого,—ги!

Док. Шток. И я блаженствовалъ въ своихъ счастливыхъ илихвяхъ. Но вчера вечеромъ,—нѣтъ, уже два дня тому назадъ,—мой умственный взоръ прояснился, и первое, что я увидѣлъ,—это тупоуміе вѣстныхъ властей...

(Шумъ, крики и смѣхъ. Г-жа Штокманъ многозначительно покашливаетъ).

Бург. Г-нъ предсѣдатель!

Асл. *(звонитъ въ колокольчикъ)*. Въ силу моего званія...

Док. Шток. Какая неелочность ловить меня на словѣ, г-нъ Аслаксенъ. Я хочу сказать, что ясно понималъ неблаговидный образъ дѣйствій руководящихъ властей по отношенію къ купаньямъ. Я ненавижу всѣ предержанія власти,—не надо насмотрѣлся я на нихъ въ свое время. Онѣ подобны козакъ, пущеннымъ въ молодую рошу: онѣ вездѣ приносятъ вредъ; вездѣ преграждаютъ путь свободному человѣку... Какъ хорошо, еслибъ можно было искоренить ихъ подобно другимъ зловреднымъ животнымъ. *(Страшный шумъ въ толпѣ)*.

Бург. Г-нъ предсѣдатель, позволительны ли подобныя выраженія?

Асл. *(протягивая руку къ колокольчику)*. Докторъ Штокманъ!...

Док. Шток. Не понимаю, какъ я только теперь раскусилъ этихъ господъ; вѣдь у меня, передъ глазами ежедневно былъ такой великолѣпный экзепляръ,—братъ мой Петеръ,—тупоумный, упорный въ предразсудахъ... *(Хочотъ, шумъ, свистки. Г-жа Штокманъ покашливаетъ. Аслаксенъ шумно звонитъ)*.

Пьяный чел. *(возвратившійся въ залу)*. Это вы обо нѣ-то? Правда меня зовутъ Петерсенъ; но чортъ меня побери, если...

Сердитые гол. Вонъ пьянаго человѣка! Вывести его!

(Пьянаго человека отътягиваютъ).

Бург. Что это за личность?

Одинъ изъ толпы. Я не знаю его, г-нъ бургомистръ.

Другой. Онъ не изъ горожанъ.

3-й. Кажется, это дѣсопромышленникъ изъ... *(Остальное не слышно)*.

Асл. Человѣкъ этотъ, очевидно, пьянъ. Продолжайте, докторъ Штокманъ; но будьте умреннѣе въ своихъ выраженіяхъ.

Док. Шток. И такъ, сограждане, я не стану болѣе говорить о нашихъ властяхъ. Если кто-нибудь вообразить изъ сказаннаго мною, что я хочу раздѣляться съ этими господами сегодня вечеромъ, то ошибется, вполне ошибется. Ибо я питаю утѣшительную мысль, что сволочь эта,—эти останки отживающаго образа мыслей, сами идутъ, быстрыми шагами, къ собственной гибели. И для ускоренія конца ихъ не требуется врача. Къ тому же, не они пред-

ставляютъ главную опасность для общества; не они всего дѣятельнѣе отравляютъ нашу духовную жизнь, заражаютъ почву подъ нашими ногами; не они—самые опасные враги истины и свободы въ нашемъ обществѣ.

Крими со всѣхъ сторонъ. Такъ кто же? Кто? Назовите ихъ.

Док. Шток. Да, я конечно назову ихъ! Потому что это и есть то великое открытіе, которое я сдѣлалъ вчера. *(Возвышая голосъ)*. Самый опасный врагъ истины и свободы въ нашей средѣ,—это слюченное, свободное большинство! Теперь я все сказалъ.

(Страшное смятеніе въ залѣ. Крики, топанье ногами, шиканье. Нѣсколько пожилыхъ мужчинъ украдкой обмѣниваются взглядами, какъ бы радуясь этой сценѣ. Г-жа Штокманъ встаетъ взволнованная. Эйлифъ и Мортенъ съ угрожающимъ видомъ подступаютъ къ шикальникамъ, которые шумятъ. Аслаксенъ звонитъ въ колокольчикъ и призываетъ къ порядку. Гофстадъ и Билминъ говорятъ въ два голоса, но слова ихъ пропадаютъ въ шумъ. Мало-по-малу устанавливается порядокъ).

Асл. Я попрошу доктора Штокмана взять назадъ свои оскорбительныя выраженія.

Док. Шток. Никогда, г-нъ Аслаксенъ. Это большинство и лишаетъ меня свободы, и хочетъ запретить мнѣ говорить правду.

Гофс. Право всегда на сторонѣ большинства.

Бил. Да, чортъ побери,—и истина тоже!

Док. Шток. Большинство никогда не право. Да, никогда! Это общепринятая ложь, противъ которой обязанъ возставать каждый свободный, разумный человѣкъ. Кто составляетъ большинство въ каждой странѣ? Просвѣщенные ли люди, или глупцы? Я полагаю, всѣ должны признать, что глупцы составляютъ страшное, подавляющее большинство, на всемъ пространствѣ міра. Но справедливо ли, чортъ побери, чтобы глупцы управляли людьми просвѣщенными? *(Шумъ и крики)* Да, да,—вы можете перекричать меня, но опровергнуть мнѣ доводы,—не въ вашей власти. Большинство имѣетъ силу,—къ несчастью,—но не право. Правы—и немногія другія индивидуальныя личности. Право всегда на сторонѣ меньшинства.

(Возмѣненіе въ толпѣ).

Гофс. А-га! И такъ, докторъ Штокманъ сдѣлался аристократомъ за послѣдніе два дня.

Док. Шток. Я сказалъ, что не буду тратить словъ, говоря о той мелкой, ограниченной клекѣ, которая правитъ нами. Живо трепещущей жизни нѣтъ дѣла до этихъ господъ. Я предпочитаю говорить о тѣхъ немногихъ индивидуальныхъ личностяхъ, которыя восприняли всѣ новыя, пробуждающіяся истины. Люди эти стоятъ какъ бы на аванпостѣ общества, такъ далеко впередъ его, что слы-

ченное большинство не достигло еще до них; и тамъ-то, одинокие, они борются за тѣ истины, которыя еще слишкомъ недавно возродились въ мировомъ сознаниі, чтобы одержать верхъ надъ толпой.

Гофс. И такъ, теперь докторъ-революціонеръ.

Док. Штон. Да, клянусь вамъ, г-нъ Гофстадъ, я—революціонеръ! Я встаю противъ ложнаго взгляда, что истина—на сторонѣ большинства. Какія истины собираетъ вокругъ себя большинство? Истины, обветшавшія въ теченіе вѣковъ,—обветшавшія настолько, что уже скоро обратятся въ ложь. (*Пересмѣиваются въ толпѣ.*) Да, да,—хотите вѣрить мнѣ или нѣтъ,—какъ вамъ угодно; но истины не ходятъ на долговѣчныхъ Мафусаяловъ, какъ многіе полагаютъ. При нормальныхъ условіяхъ, истина, въ большинствѣ случаевъ, можетъ просуществовать лѣтъ 17—18; въ крайнемъ случаѣ—20, рѣдко долѣе. И въ такомъ почтенномъ возрастѣ, истины всегда поразительно хudosочны; между тѣмъ, лишь тогда большинство воспринимаетъ ихъ и предписываетъ обществу въ качествѣ здоровой нищи. Какъ врачъ, могу васъ удостовѣрить, что такая нища лишена питательности. Всѣ истины большинства подобны прошлогодней копченой ветчинѣ: это ветчина прогорклая, залесившая, производящая тотъ правственный скорбутъ, который разрушаетъ общество.

Асл. Кажется, почтенный ораторъ слишкомъ удалился отъ своего предмета.

Бург. Прошу отиѣтить замѣчаніе г-на председателя.

Док. Штон. Ты, кажется, съ ума спятилъ, Петеръ! Я придерживаюсь моего положенія настолько возможно, потому что положеніе мое,—что большинство,—проклятое, силоченное большинство,—что оно то и отравляетъ нашу духовную жизнь въ самомъ источникѣ, и заражаетъ самую почву подъ нашими ногами.

Гофс. И вы взводите это обвиненіе противъ великаго, независимаго большинства, именно потому, что оно настолько разумно, что принимаетъ лишь извѣстныя, признанныя истины?

Док. Штон. Милѣйшій г-нъ Гофстадъ, не говорите объ извѣстныхъ истинахъ! Истины, признанныя массою, толпой, — тѣ извѣстныя истины, которыя восприняли лучше представители общества при нашихъ праотцахъ. Мы, современные передовые люди, уже не признаемъ ихъ болѣе; и не думаю, чтобы существовала другая положительная истина, кромѣ той,—что ни одно общество не можетъ жить здоровой жизнью на основаніи такихъ устарѣвшихъ, безжизненныхъ истинъ.

Гофс. Но что еслибы, вмѣсто туманныхъ рѣчей, вы бы назвали намъ нѣкоторыя изъ этихъ безжизненныхъ истинъ, воспринятыхъ нашими обществомъ?

(*Одобреніе въ толпѣ.*)

Док. Штон. О, не ногу же я перебирать весь этотъ мусоръ; въ данному минуту я назову лишь одну общепризнанную истину, въ действительности,—безобразную ложь,—которой придерживается г-нъ Гофстадъ и „Народный Вѣстникъ“, и всѣ его послѣдователи...

Гофс. А именно...

Док. Штон. Я говорю объ ученіи, которое вы унаслѣдовали отъ нашихъ праотцевъ, которое вы всегда и вездѣ такъ неосторожно проповѣдуете,—о томъ ученіи, что грубая масса, чернь заключаетъ въ себѣ жизненный нервъ народа,—что она то и составляетъ народъ; что простолудинъ,—невѣжественный, неразвитый членъ общества,—нѣтъ такое же право осуждать и санкціонировать, совѣтывать и управлять,—какъ немногіе представители интеллигентнаго меньшинства.

Бмл. Ну, провались я на ибѣтъ!

Гофс. (*кричитъ*). Граждане, обратите вниманіе на слова его!

Злобный гол. О-го! Развѣ мы не народъ? Развѣ только богатые нѣбютъ право управлять страной!

Рабочій. Вонъ того, кто это говоритъ!

Другіе. Вонъ его!

Граждане (*кричатъ*). Скорѣй, бери рогъ, Ивенсэнъ!

(*Раздаются звуки рога; свистки и страшный шумъ*).

Док. Штон. (*когда шумъ нѣсколько стихнулъ*). Будьте же благодарны! Неужели вы, хоть разъ въ жизни, не можете выслушать правду? Я не прошу всѣхъ тотчасъ со мной согласиться. Но я, конечно, полагаю, что г-нъ Гофстадъ, успокоившись немного, будетъ одною изъ многаго со мною. Г-нъ Гофстадъ называетъ себя свободомыслителемъ...

Нѣск. гол. (*съ удивленіемъ, спомолоса*). Свободомыслитель,—говоритъ онъ? Какъ, г-нъ Гофстадъ—свободомыслитель?!...

Гофс. (*кричитъ*). Докажите это, докторъ Штокманъ! Когда высказывалъ я это печатно?

Док. Штон. (*раздумчиво*). Нѣтъ, честное слово,—вы правы, на этотъ разъ; вы этого никогда открыто и прямо не высказывали. Я не хочу вводить васъ въ затруднительное положеніе. Пусть же одинъ я буду свободомыслителемъ. И теперь я всѣмъ вамъ докажу, на научномъ основаніи, что „Народный Вѣстникъ“ постыдно водитъ васъ за носъ, увѣряя васъ, что вы масса, толпа,—составляете жизненный нервъ народа. Все это—газетная ложь и только. Масса—не болѣе, какъ сырой матеріалъ, который долженъ быть превращенъ въ народъ. (*Ропотъ, смѣхъ и волненіе въ толпѣ.*) Да развѣ не то же видятъ мы и въ остальномъ животномъ мірѣ? Какая разница между домашними и дикими породами животныхъ! Возьмите

хоть дикую курицу, — много ли мяса даетъ ея худоцавый остовъ? И какія несетъ она яйца? Почти такія же, какъ всякая порядочная ворона. Съ другой стороны, возьмите домашнюю испанскую или японскую курицу, хорошаго фазана или индюка, — и вы увидите какая разница между ними. Или возьмите собаку — близкое намъ животное. Вспомните, что представляетъ собой обыкновенная — простая, оборванная дворняга, что пресмыкается по ложбинамъ, пачкая тропинки по сторонамъ большой дороги. Сравните такую дворнягу съ пуделемъ, черезъ многія поколѣнія произошедшимъ отъ аристократическаго рода, питающимся отборной пищей, слушающимъ гармоничные голоса и музыку. Вы думаете, мозгъ пуделя не получилъ развитіе совершенно отличное отъ дворняги? Безъ сомнѣнія — да! Такіхъ благовоспитанныхъ пуделей — щенятъ фокусники приучаютъ къ самымъ необыкновеннымъ штукамъ. Простой мужицкій несъ никогда бы не научился ничему такому, — хотя бы учился до скончанія вѣка.

(Шумъ и смѣхъ кружомъ).

Горюх. *(кричитъ)*. Что жъ, — вы хотите теперь сравнить насъ съ собаками?

Другой. Мы вѣдь не звѣри, г-нъ докторъ.

Док. Шток. Ошибаетесь, сударь мой, мы именно — звѣри! Всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго — звѣри, какъ это ни оскорбительно для нашего самолюбія. И притомъ, немного встрѣчается среди насъ аристократическихъ звѣрей. Посмотрите, какая громадная разница между людьми — пуделями и людьми — дворнягами. И что всего нелѣпѣе, — г-нъ Гофстадъ соглашается со мной пока рѣчь идетъ о четвероногихъ животныхъ...

Гофс. О, — оставивъ ихъ въ покоѣ.

Док. Шток. Согласенъ, — но какъ скоро я принимаю законъ къ двуногимъ животнымъ, г-нъ Гофстадъ тотчасъ на пятый; онъ уже не смѣетъ имѣть собственные взгляды, собственные мнѣнія; всѣ свои знанія онъ перевертываетъ верхъ дномъ, и провозглашаетъ въ «Народномъ Вѣстникѣ», что дикая курица и дворняга — самые прекрасные представители домашнихъ животныхъ. Но такъ всегда случается, пока вы слѣдуете общепринятому мировоззрѣнію и пока, путемъ борьбы, вы не обособились въ духовномъ отношеніи.

Гофс. Я не стремлюсь ни къ какому обособленію. Я происхожу изъ крестьянской семьи и горжусь своей связью съ простымъ народомъ, къ которому вы относитесь съ насильственнымъ пренебреженіемъ.

Нѣси. рабочикъ. Ура, Гофстадъ! Ура! ура!

Док. Шток. Представители простонародья, о которомъ я говорю, встрѣчаются не только среди низшихъ сословій; они пресмыкаются и кишатъ вокругъ насъ, — вплоть до самыхъ вершинъ общества. Возьмите для приѣбра хотя

бы вашего собственного уважаемаго, почтеннаго бургомистра! Вѣдь брать мой Пѣтеръ несомнѣнно и бесспорно принадлежитъ къ простонародью...

(Смѣхъ и свистки.)

Бург. Я протестую противъ такихъ личныхъ инсинуацій.

Док. Шток. *(невозмутимо)*... И не потому, что онъ, также какъ и я, происходитъ отъ негоднаго стараго померанскаго пирата, — потому что вѣдь таковы наши предки...

Бург. Это нелѣпное преданіе, ни на чемъ не основанное.

Док. Шток.... Нѣтъ, онъ таковъ, потому что держится образа мыслей и взглядовъ своего officialнаго начальства. Люди, такъ поступающіе, принадлежатъ, въ интеллигентномъ отношеніи, къ толпѣ; и вотъ почему мой добропорядочный брать Пѣтеръ, въ дѣйствительности, такъ не порядоченъ и, слѣдовательно, такъ нелібераленъ.

Бург. Г-нъ предсѣдатель...

Гофс. И такъ, порядочные люди въ этой странѣ — либералы? Это совершенно новый взглядъ. *(Смѣхъ.)*

Док. Шток. Да, это — часть моего послѣдняго открытія. И изъ этого же слѣдуетъ, что свобода мысли — почти тоже, что нравственность. Поэтому, говорю я, непростительно «Народному Вѣстнику» изо дня въ день проповѣдывать ложную доктрину, что масса, толпа, слюченное большинство — монополизируетъ либерализмъ и нравственность, — и что порокъ, развратъ и всякаго рода духовная нечистота вытекаетъ изъ просвѣщенія, — подобно тѣмъ нечистотамъ, что просачиваются отъ кожевеннаго завода Милль Деля къ кушаньямъ. *(Шумъ и крики. Докторъ Штокманъ продолжаетъ невозмутимо, улыбаясь.)* — И между тѣмъ, этотъ самый «Народный Вѣстникъ» проповѣдуетъ о поднятіи массы, толпы — на высшую ступень развитія! Но, чортъ побери, — если доктрина «Народнаго Вѣстника» вѣрна самой себѣ, — поднятіе массы означаетъ ихъ погибель! Но, къ счастью, это лишь устарѣлая, традиціонная ложь, будто бы просвѣщеніе деморализуетъ. Нѣтъ, — деморализуетъ тупость, бѣдность, все безобразіе жизни. Въ домѣ, который не провѣтривается и не выметается ежедневно... *(Жена моя утверждаетъ, что слѣдуетъ постоянно мыть также и полы, но мы не можемъ обсуждать теперь этотъ вопросъ).* Въ такомъ домѣ, говорю я, обитатели его, черезъ 2—3 года, утрачиваютъ способность думать и дѣйствовать согласно нравственности. Недостатокъ кислорода притупляетъ совѣсть. И, надо сознаться, недостатокъ этотъ ощущается во многихъ и многіхъ домахъ этого города, гдѣ слюченное большинство настолько бессо-

вѣстно, что хочеть основать свою будущность на трясины лжи и обмана.

Асл. Я не могу допустить такого оскорбленія, направленнаго противъ всей гражданской общины.

Голосъ. Я предлагаю чтобъ г-нъ предсѣдатель приказалъ ему замолчать.

Голоса. Да, да! Садитесь! Садитесь!

Док. Шток. *(встываетъ)*. Такъ я буду провозглашать истину на каждой перекресткѣ улицы! Я буду писать въ другихъ газетахъ! Вся страна узнаеть, что здѣсь творится!

Гофс. Докторъ желаетъ, повидимому, разорить городъ.

Док. Шток. Да, я такъ люблю свой родной городъ, что предпочелъ бы разорить его, чѣмъ видѣть, какъ онъ процвѣтаетъ на лжи.

Асл. Сильно сказано.

(Шумъ и свистки. Г-жа Штокманъ покашливаетъ, но докторъ уже не обращаетъ на нее вниманія.)

Док. Шток. *(все болѣе горячась)*. Что за бѣда, если разорится лживая община! Повторяю,—ее бы слѣдовало стереть съ лица земли! Всѣ люди, питающіеся ложью, должны быть уничтожены, какъ гадъ! Съ теченіемъ времени, вы отравите остальную страну; вы доведете ее до того, что вся страна заслужитъ погибели. И если когда-либо настанетъ такая минута, я скажу отъ всего сердца: да погибнетъ страна! да погибнетъ весь народъ ея!

Голосъ *(въ толпѣ)*. Да онъ говоритъ, какъ истый врагъ народа!

Бил. Провались я на мѣстѣ, если въ словахъ этихъ не прозвучалъ гласъ народа!

Все собраніе *(кричатъ)*. Да! да! да! Онъ — врагъ народа! Онъ ненавидитъ свое отечество! Онъ ненавидитъ народъ!

Асл. Какъ гражданинъ этого города и какъ человекъ, я глубоко оскорбленъ всѣмъ тѣмъ, что пришлось мнѣ услышать здѣсь. Докторъ Штокманъ выказался въ такомъ свѣтѣ, какъ я нивогда не могъ бы ожидать. Я, съ глубокимъ прискорбленіемъ, долженъ присоединиться къ мнѣнію, сейчасъ высказанному нѣсколькими достойными гражданами; и, я полагаю, мы должны формулировать мнѣніе это въ постановленіи. Поэтому, я прошу сдѣлать заявленіе, что «настоящее собраніе объявляетъ главнаго врача при Купаньяхъ, доктора Штокмана — «врагомъ народа».

(Громъ рукоплесканій. Многіе окружаютъ доктора и освистываютъ его. Г-жа Штокманъ и Петра встали съ своихъ мѣстъ. Мортанъ и Эйлифъ дерутся съ другими школьниками. Нѣкоторые изъ взрослыхъ разнимаютъ ихъ.)

Док. Шток. *(обращаясь къ народу, который освистываетъ его)*. О, безумцы!... Говорю вамъ...

Асл. *(звонитъ)*. Докторъ Штокманъ лишенъ

права голоса. Надо постановить это формальнымъ голосованіемъ; но, изъ уваженія къ личнымъ чувствамъ, голосованіе произойдетъ по запискамъ, безъ подписей. Есть ли у васъ бѣлая бумага, г-нъ Виллингъ?

Бил. Вотъ синяя и бѣлая бумага...

Асл. Хорошо-съ, такъ скорѣе. Разорвите бумагу на мелкіе листки. Вотъ такъ. *(Обращаясь къ собранію.)* Синяя бумага означаетъ нѣтъ, бѣлая-да. Я самъ обойду собраніе и соберу голоса.

(Бургомистръ выходитъ изъ замъ. Аслаксъ и нѣсколько другихъ обходятъ собраніе съ листками бумаги въ шляпахъ.)

Гороманинъ *(обращаясь къ Гофстаду)*. Что случилось съ докторомъ? Что означаетъ все это?

Гофс. Да вѣдь вы знаете какой онъ неукротимый.

Другой *(обращаясь къ Биллингу)*. А вѣдь вы, кажется, часто бываете у него. Не забыли ли вы чтобы онъ заивалъ?

Бил. Провались я на мѣстѣ,—не знаю какъ сказать. Бутылка съ грогомъ всегда на столѣ у него,—когда ни заглянешь.

3-й А мнѣ такъ кажется,—не подверженъ ли онъ припадкамъ умопомѣшательства?

1-й Ужъ не въ роду ли у него помѣшательство?

Бил. Весьма возможно.

4-й Нѣтъ, во всемъ этомъ говоритъ одна злоба. Онъ иститъ за что нибудь.

Бил. Правда, онъ говорилъ на дняхъ объ увеличеніи его жалованья; по ему отказали.

Всѣ *(вмѣстѣ)*. О! такъ это все объясняетъ!

Пьяный чел. *(въ толпѣ)*. Давайте и мнѣ синій листокъ! И бѣлый также!

Нѣск. голосовъ. Опять этотъ пьяный! Вывести его!

М. Киль *(подходя къ доктору)*. Ну, Штокманъ, вы видите теперь къ чему ведутъ всѣ эти глупости?

Док. Шток. Я исполнилъ свой долгъ.

М. Киль. Что это вы говорили о кожевенныхъ заводахъ въ Миль-Дэлъ?

Док. Шток. Развѣ вы не слышали, что я сказалъ,—что оттуда протекаютъ всѣ нечистоты.

М. Киль. Такъ, слѣдовательно, и отъ моего завода также?

Док. Шток. Къ несчастью, вашъ заводъ хуже всѣхъ прочихъ.

М. Киль. И это тоже вы хотите пропечатать въ газетахъ?

Док. Шток. Я ни о чемъ не имѣю права умолять.

М. Киль. Это можетъ дорого обойтись вамъ, Штокманъ! *(Уходитъ.)*

Толстый господинъ *(подходитъ къ капитану Горстеру, не кланяясь дамамъ.)* И такъ, капитанъ, вы пускаете въ донъ вашъ враговъ народа?

Горст. Полагаю, милостивый государь, что я могу располагать своей собственностью, какъ мнѣ угодно.

Толст. госп. Въ такомъ случаѣ, разумеется, вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я послѣдовалъ вашему призыву?

Горст. Что вы хотите сказать?

Толст. госп. Вы узнаете это завтра. (*Повертывается и выходитъ изъ замка.*)

Пэт. Кажется, это былъ владѣлецъ вашего корабля?

Горст. Да, это господинъ Внкъ.

Асл. (*съ бумагами въ руку, выходитъ на подмостки и звонитъ*). Господа! Я долженъ объявить вамъ о результатахъ голосованія. Всѣ, за однимъ исключеніемъ...

Молодой чел. Это тотъ пьяный!

Асл. За исключеніемъ одного невѣрнаго лица, настоящее собраніе объявляетъ главнаго врача при кунаняхъ, доктора Штокмана — врагомъ народа! (*Рукоплеканія и одобрительные возгласы.*) Трижды да здравствуетъ наше достойное городское правленіе! (*Рукоплеканія.*) Трижды да здравствуетъ нашъ способный, дѣятельный бургомистръ, такъ благородно отстранившій отъ себя всякія родственныя соображенія! (*Рукоплеканія.*) Собраніе объявляется закрытымъ. (*Сходитъ съ подмостковъ.*)

Бил. Да здравствуетъ председатель!

Всѣ. Да здравствуетъ Аслаксенъ!

Дон. Шток. Мою шляпу и пальто, Пэтра! Капитанъ, есть ли у васъ мѣсто для пассажировъ въ Новый Свѣтъ?

Горст. Для васъ и вашей семьи, докторъ, всегда найдется мѣсто.

Док. Шток. (*между тѣмъ какъ Пэтра помогаетъ ему надеть пальто*). Хорошо! Пойдемъ, Катерина! Пойдите, дѣти! (*Беретъ жену подъ руку.*)

Г-жа Шток. (*столмооса*). Тошась, милый, выйдемъ заднимъ ходомъ!

Док. Шток. Не надо заднихъ ходовъ, Катерина! (*Громко.*) Вы услышите о врагѣ народа, прежде чѣмъ онъ отрясетъ прахъ отъ ногъ своихъ!

Асл. (*кричитъ*). Докторъ Штокманъ!

Бил. Провались я... Это болѣе чѣмъ можетъ вынести порядочный человѣкъ!

Грубый голосъ. И вдобавокъ, онъ еще грозитъ намъ!

Злобные крики. Разнесемъ его окна! Бросимъ его въ волны фюрда!

Голосъ (*изъ толпы*). Труби въ рогъ, Ивксенъ! Труби грохче!

(*Звуки рога, свистъ, дикіе крики. Докторъ съ своей семьей направляется къ двери. Горстерь очищаетъ для нихъ проходъ.*)

Всѣ (*кричатъ имъ вследъ*). Врагъ народа! Врагъ народа! Врагъ народа!

Бил. Провались я на мѣстѣ, чтобы я согласился пить грогъ у Штокмана сегодня вечеромъ. (*Народъ толпой направляется къ выходной двери; шумъ и крики постепенно стихаютъ въ отдаленіи; съ улицы доносятся крики: «Врагъ народа! Врагъ народа!».*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Кабинетъ доктора Штокмана. Вдоль стѣны — полки съ книгами и стеклянные шкафы съ разными коллекціями. На заднемъ планѣ — дверь, которая ведетъ въ переднюю; на авансценѣ, слева — дверь въ истинную. Два окна справа, стекла которыхъ выбиты. Среди комнаты письменный столъ доктора, заваленный книгами и бумагами. Вся комната въ беспорядкѣ. Утро. Докторъ Штокманъ въ халатъ, туфляхъ и фескѣ на голову, наклоняется и шаритъ зонтикомъ подъ однимъ изъ шкафовъ; наконецъ вытаскиваетъ камень.

Док. Шток. (*обертываясь къ двери въ переднюю*). Катерина, я нашелъ еще одинъ!

Г-жа Шток. (*изъ истинной*). О, ты найдешь еще не мало!

Док. Шток. (*кладя камень на груду другихъ камней на столѣ*). Я сохраню эти камни, какъ драгоценность. Эйлифъ и Мортэнъ будутъ ежедневно видѣть ихъ, и когда я умру, это будетъ ихъ наследство. (*Ищетъ подъ полкой съ книгами.*) А, что же эта... какъ ее зовутъ, чортъ побери, горничная... не ходила еще за стекольщикомъ?

Г-жа Шток. Да, но онъ сказалъ, что не

знаетъ, можно ли ему будетъ придти сегодня.

Док. Шток. Ты увидишь, онъ не посмѣетъ придти.

Г-жа Шток. Правда, Рандинъ показалось, что онъ боится придти изъ-за сосѣдей. (*Обертываясь къ двери въ истинную*). Что это, Рандина? Хорошо, сейчасъ. (*Выходитъ и тотчасъ возвращается.*) Это ниско къ тебѣ, Тошась.

Док. Шток. Посмотри. (*Распечатываетъ письмо и читаетъ.*) А-га!

Г-жа Шток. Отъ кого это?

Док. Шток. Отъ нашего хозяина. Онъ проситъ насъ очистить квартиру.

Г-жа Штон. Неужели? Онъ смотрѣлъ такимъ порядочнымъ...

Док. Штон. (*пробѣгая письмо*). Онъ пишетъ, что не смѣетъ поступить иначе. Ему это очень прискорбно; но онъ не смѣетъ дѣйствовать иначе, изъ - за своихъ согражданъ, изъ уваженія къ общественному мнѣнью... онъ въ зависящемъ положеніи... не осмѣлятся оскорбить нѣкоторые вліятельныя лица...

Г-жа Штон. Вотъ видишь, Томасъ.

Док. Штон. Да, да, я прекрасно все вижу; они всѣ трусы въ этомъ городѣ, отъ перваго до послѣдняго; никто не смѣетъ дѣйствовать самостоятельно изъ страха къ остальнымъ. (*Бросаетъ письмо на столъ*.) Но намъ это все равно, Катерина. Мы скоро отправляемся въ Новый Свѣтъ, и тогда...

Г-жа Штон. Но увѣренъ ли ты, Томасъ, что этотъ проектъ переселенія за границу, въ общемъ—благоразуменъ?

Док. Штон. А что - жъ, ты хочешь, чтобы я остался здѣсь, гдѣ меня выставили къ позорному столбу, какъ врага народа, гдѣ меня заклеили, гдѣ разнесли стекла въ моей квартирѣ! И посмотри-ка, Катерина, они порвали мою черную пару.

Г-жа Штон. Ахъ, Боже мой! И это еще лучшая твоя пара!

Док. Штон. Никогда не слѣдуетъ надѣвать лучшую пару, когда идешь сражаться за свободу и правду. Конечно, я не особенно сокрушаюсь о панталонахъ; ты всегда можешь зачинить ихъ. Но, чтобы чернь смѣла нападать на меня какъ бы на своего равнаго, *этого* я не ногу переварить, не ногу!

Г-жа Штон. Да, они возмутительно поступили относительно тебя, Томасъ; но развѣ это причина, чтобы совсѣмъ покинуть страну?

Док. Штон. А ты думаешь, плобен не такъ же дерзки и во всякомъ другомъ городѣ? Ошибаешься, милая; они болѣе или менѣе тѣ же—вездѣ. Но это не бѣда, пусть собаки лаютъ; это еще не самое худшее; самое худшее-то, что каждый, въ этой странѣ,—рабъ своей партіи. Конечно, весьма возможно, что дѣло обстоитъ не лучше и въ свободномъ Западѣ; силовочное большинство, просвѣщенное общественное мнѣніе, и вся эта дьявольщина—и тамъ господствуютъ все также. Но видишь ли, условія жизни тамъ шире; человека тамъ, быть можетъ, убьютъ, но не станутъ подвергать его недвонной пыткѣ; не наложатъ ярма на свободную душу, какъ здѣсь, въ нашемъ отечествѣ. И притомъ, въ случаѣ нужды, можно держаться тамъ вдали отъ всѣхъ. (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*.) Еслибъ найти какой-нибудь дѣвственный лѣсъ, или маленькій остро-

вокъ въ южномъ океанѣ, который можно бы купить за дешевую цѣну...

Г-жа Штон. Да, но какже наши мальчики, Томасъ?

Док. Штон. (*останавливаясь*). Какая ты удивительная женщина, Катерина! Что-жъ, ты предпочла бы чтобы мальчики выросли въ такомъ обществѣ, какъ здѣсь? Развѣ, вчера вечеромъ, ты не видѣла сама, что половина мѣстнаго населенія—помѣшанные, и если остальные не потеряли еще разумъ, такъ потому только, что они—псы, лишенные всякаго разума.

Г-жа Штон. Но право, другъ мой, ты говоришь такія неосторожныя вещи!

Док. Штон. Такъ что же, развѣ не правда все, что я говорю имъ? Развѣ они не перевертываютъ всѣ идеи верхъ дномъ? Развѣ не смѣшиваютъ во-едино добро и зло?—не называютъ правду—ложью? Но поразительнѣе всего, это видѣть толпы взрослыхъ людей, называющихъ себя либералами и убѣждающихъ себя и другихъ, что они—друзья свободы! Слышала ли ты что подобное, Катерина?

Г-жа Штон. Да, да, безъ сомнѣнія, они вполне неправы. Но... (*Петра входитъ изъ комнаты*.) Какъ, ты уже возвратилась изъ школы?

Пет. Да, мнѣ отказали отъ мѣста.

Г-жа Штон. Отказали?

Док. Штон. И тебѣ тоже!

Пет. Г-жа Бэскъ намекнула мнѣ объ этомъ, и я предпочла теперь же оставить школу.

Док. Штон. И хорошо сдѣлала, моя дѣвочка!

Г-жа Штон. Кто бы подумать, что г-жа Бэскъ—такая дурная женщина!

Пет. О, мама, да она совсѣмъ не дурная женщина; я видѣла ясно, какъ она была огорчена; но она не посмѣла поступить иначе, по собственнымъ ея словамъ; и вотъ почему я лишилась мѣста.

Док. Штон. (*смыслъ и потирая руки*). Она не посмѣла поступить иначе! Точь въ точь какъ всѣ прочіе! О, великолѣпно, восклицательно!

Г-жа Штон. Ну, да вѣдь послѣ ужаснаго скандала вчера вечеромъ...

Пет. И не потому только. Какъ бы ты думалъ, папа, почему еще?

Док. Штон. Ну?

Пет. Г-жа Бэскъ показала мнѣ не менѣе какъ письма три, полученные ею сегодня утромъ...

Док. Штон. Конечно, анонимныя?

Пет. Да.

Док. Штом. Они не имѣютъ даже настолько мужества, чтобы подписаться, Катерина!

Пет. И въ двухъ изъ нихъ говорится, что господинъ, часто у насъ бывающій, заявилъ, вчера вечеромъ въ клубѣ, что я придерживаюсь весьма передовыхъ взглядовъ на многіе вопросы...

Док. Штом. Конечно, ты этого не отрицала.

Пет. Конечно, нѣтъ. Ты знаешь, г-жа Бэскъ сама держится либеральныхъ взглядовъ, когда мы разговариваемъ съ нею съ глазу на глазъ; но теперь, когда пошли всѣ эти толки обо инѣ, она не постыбла удерживать меня.

Г-жа Штом. И это еще говорилъ кто-то, кто часто бываетъ у насъ въ домѣ! Вотъ видишь, Томасъ, каковы послѣдствія твоего гостеприимства.

Док. Штом. Мы не останемся долѣе въ этомъ свиномъ хлѣбѣ! Укладывай все какъ можно скорѣе, Катерина; уѣдемъ подальше, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Г-жа Штом. Тише! Какъ будто шаги въ коридорѣ. Посмотри ка, Пэтра.

Пет. (*отворяя дверь*). А, это вы, капитанъ Горстеръ. Войдите, пожалуйста.

Горст. (*изъ передней*). Съ добрымъ утромъ. Я хотѣлъ зайти посмотреть, какъ вы всѣживаете.

Док. Штом. (*пожимая ему руку*). Благодарю васъ; вы очень добры.

Г-жа Штом. Мы вамъ очень признательны, что вы проводили насъ вчера вечеромъ, капитанъ Горстеръ.

Пет. Какъ же вы пробились назадъ черезъ толпу?

Горст. О, какъ нельзя лучше. Я вѣдь довольно таки силенъ, а всѣ эти господа больше лаютъ, чѣмъ кусаютъ.

Док. Штом. Неправда ли, какіе удивительные трусы? Подите ка сюда, я вамъ хочу показать нѣчто! Взгляните, вотъ всѣ камни, которые они бросали намъ въ окна. Только взгляните на нихъ! Честное слово, во всей грудѣ не болѣе какъ камня два приличной величины; остальные — небольшіе булыжники, почти песокъ. Они стояли здѣсь подлѣ окнами и ревели, и клялись, что что-то сдѣлаютъ со мной; но, чтобы они въ самомъ дѣлѣ исполнили свою угрозу, — нечего опасаться въ этомъ городѣ!

Горст. На этотъ разъ, докторъ, вы можете поблагодарить за это свою счастливую звѣзду.

Док. Штом. Разумѣется; но все же это на-

водитъ уныніе; потому что еслибъ дѣло, когда-либо, дошло до серьезной національной борьбы, вы увидите, капитанъ Горстеръ, общественное мнѣніе струсить, и сплоченное большинство обратится въ бѣгство, какъ стадо барановъ. Вотъ, что всего прискорбиѣе; и меня это огорчаетъ до глубины души. Но, чортъ побери, глупо съ моей стороны, принимать это близко къ сердцу! Они назвали меня врагомъ народа: такъ хорошо же, я буду врагомъ народа!

Г-жа Штом. Ты не способенъ на это, Томасъ.

Док. Штом. Напрасно думаешь ты такъ, Катерина. Оскорбительный эпитетъ дѣйствуетъ, какъ небольшая царапина на легкіе. И это проклятое слово, я не могу отъ него отдѣлаться; оно глубоко врѣзалось въ мое сердце, оно грызетъ и сосетъ меня, какъ кислота. И никакая магнезія не исцѣлитъ меня.

Пет. Пустое! Тебѣ бы слѣдовало только смѣяться надъ ними, папа!

Горст. Мнѣніе общества еще измѣнится, докторъ.

Г-жа Штом. О да, Томасъ, это также вѣрно, какъ то, что ты стоишь на этомъ мѣстѣ.

Док. Штом. Да, быть можетъ, когда уже будетъ слишкомъ поздно. Ну, что-жъ, какъ посвялялъ, такъ и пожнешь! Пусть коснѣютъ они здѣсь въ тинѣ, и научаются раскаиваться, что изгнали истиннаго патриота. Когда вы отплываете, капитанъ Горстеръ?

Горст. Гм... объ этомъ то, главнымъ образомъ, я и пришелъ поговорить съ вами...

Док. Штом. А что, развѣ случилось что-нибудь съ кораблемъ?

Горст. Нѣтъ, но дѣло въ томъ, что я не ѣду съ нимъ.

Пет. Неужели вамъ отказали отъ мѣста?

Горст. (*улыбаясь*). Да, отказали.

Пет. И вамъ также!

Г-жа Штом. Вотъ видишь, Томасъ.

Док. Штом. И во имя правды! О, еслибъ только я могъ ожидать...

Горст. Не принимайте это къ сердцу; я скоро найду мѣсто въ какой-нибудь другой компаніи.

Док. Штом. И это сдѣлалъ г-нъ Викъ! Человѣкъ съ состояніемъ, ни отъ кого не зависящій! О, Боже правый!...

Горст. О, что касается этого, онъ очень благонамѣренный человѣкъ; онъ самъ говоритъ, что охотно бы оставилъ меня, еслибъ только смѣлъ.

Док. Штом. Но онъ не смѣетъ, конечно нѣтъ!

Горст. Это не легко, говорить онъ, когда принадлежишь къ извѣстной партіи...

Док. Шток. Вотъ именно,—онъ высказалъ всю суть дѣла! Партія подобна машинкѣ для разрыванія колбасы; она смалываетъ всѣ мозги въ одну общую массу; и вотъ почему мы видимъ кругомъ лишь пустыя головы, или головы, набитыя разными соромъ.

Г-жа Шток. Ну, будетъ тебѣ, Томасъ!

Пэт. (*обращаясь къ Горстеру*). Еслибъ вы не заходили къ намъ, ничего бы этого, вѣроятно, не случилось.

Горст. Я не расканваюсь.

Пэт. (*протягивая ему руку*). Благодарю васъ!

Горст. (*къ доктору Штокману*). Вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ: если вы дѣйствительно рѣшили ѣхать за границу, я придумалъ другой способъ...

Д. Шток. Отлично... лишь бы только намъ убраться отсюда...

Г-жа Шток. Тс! Какъ будто стучать?

Пэт. Это навѣрное дядя.

Док. Шток А-га! (*Зоветь*). Войдите.

Г-жа Шток. Другъ мой, общай же мнѣ...

(*Бургомистръ входитъ изъ передней.*)

Бург. (*съ дверяхъ*). О! Вы заняты. Такъ я лучше въ другой разъ...

Док. Шток. Нѣтъ, нѣтъ; войди.

Бург. Но я хотѣлъ поговорить съ тобой наединѣ.

Г-жа Шток. Мы уйдемъ въ гостиную.

Горст. А я зайду къ вамъ въ скоромъ времени.

Док. Шток. Нѣтъ, нѣтъ; идите съ дамами, капитанъ Горстеръ; мнѣ нужны дальнѣйшія свѣдѣнія...

Горст. Хорошо, такъ я подожду.

(*Уходитъ вслѣдъ за г-жей Штокманъ и Пэтрой въ гостиную. Бургомистръ ничего не говоритъ, но поглядываетъ на окна.*)

Док. Шток. Кажется тебѣ непріятенъ сквозной вѣтеръ? Надѣнь шляпу.

Бург. Благодарю, если позволишь. (*Надѣваетъ шляпу*). Кажется, я простудился вчера вечеромъ. Я такъ прозябъ тамъ...

Док. Шток. Въ самомъ дѣлѣ? А мнѣ такъ, право, было совсѣмъ тепло.

Бург. Я сожалѣю, что не могъ предупредить всѣ эти безпорядки.

Док. Шток. Тебѣ нечего еще сказать мнѣ?

Бург. (*вынимаетъ большой пакетъ*). Я долженъ передать тебѣ этотъ документъ отъ директоровъ морскихъ Купаній.

Док. Шток. Я уволенъ отъ должности?

Бург. Да, съ сегодняшняго дня. (*Кладетъ пакетъ на столъ*). Мы очень сожалѣемъ, но, откровенно говоря, мы не смѣли поступить иначе изъ уваженія къ общественному мнѣнію.

Док. Шток. (*Улыбаясь*). Не смѣли? Я уже не разъ слышалъ эту фразу сегодня.

Бург. Прошу тебя дать себѣ ясный отчетъ въ твоемъ положеніи. Отнынѣ, ты уже не можешь разсчитывать на какую-либо практику въ городѣ.

Док. Шток. Чортъ побери практику! Но почему ты въ этомъ такъ увѣренъ?

Бург. Ассоціація домовладѣльцевъ разсылаетъ изъ дому въ домъ циркуляръ, въ коемъ всѣмъ благонамѣреннымъ гражданамъ внушается не обращаться къ тебѣ; и я ручаюсь, ни одинъ отецъ семьи не рѣшится отказать въ своей подписи; никто не посмѣетъ это сдѣлать.

Док. Шток. Ну, ну, хорошо; я въ этомъ не сомнѣваюсь. Такъ что же?

Бург. Я посоветывалъ бы тебѣ уѣхать на время изъ города.

Док. Шток. Да, я объ этомъ самъ думалъ.

Бург. Вотъ и прекрасно. А если, по истеченіи, скажемъ, мѣсяцевъ шести, ты рѣшишься, по зрѣломъ размысленіи, признать свое заблужденіе, и выразить, въ нѣсколькихъ словахъ, сожалѣніе...

Док. Шток. Я могъ бы вновь быть восстановленъ въ должности?

Бург. Выть можетъ, невозможнаго въ этомъ нѣтъ ничего.

Док. Шток. Да, но какже общественное-то мнѣніе? Вы же не смѣете, изъ уваженія къ нему.

Бург. Общественное мнѣніе подвержено большимъ колебаніемъ. И, откровенно говоря, намъ весьма важно получить такое признаніе непосредственно отъ тебя самого.

Док. Шток. Ну такъ, пиши пропало! Ты вѣрно помнишь, что я тебѣ говорилъ о такихъ лисьихъ продѣлкахъ!

Бург. Въ то время положеніе твое было несравненно благопріятнѣе; въ то время ты думалъ, что за тебя весь городъ...

Док. Шток. Да, а теперь весь городъ противъ меня... (*Запальчиво*). Но нѣтъ, нѣтъ, еслибъ противъ меня былъ самъ дьяволъ со всей его командой... никогда, говорю тебѣ... ни за что!

Бург. Отецъ семьи не имѣетъ права такъ поступать; ты не имѣешь права, Томасъ.

Док. Шток. Я не имѣю права! Есть лишь одна вещь въ мірѣ, которую свободный человѣкъ не имѣетъ права сдѣлать; и знаешь ли что?

Бург. Нѣтъ.

Док. Шток. Разумѣется, нѣтъ; но я скажу тебѣ. Свободный человѣкъ не имѣетъ права валяться въ грязи, какъ собака; онъ не имѣетъ права такъ поступать, что долженъ самъ себѣ плюнуть въ лицо.

Бург. Все это прекрасно; и еслибъ не было другой причины для твоего упорства... но намъ извѣстно, что главная причина не та...

Док. Шток. Что ты хочешь сказать?

Бург. Ты прекрасно понимаешь меня. Но, какъ твой братъ и какъ человѣкъ разсудительный, предупреждаю, чтобы ты не слишкомъ полагался на ожиданія и надежды, которыя могутъ ни къ чему не привести.

Док. Шток. Да на что же ты намекаешь, чортъ побери?

Бург. Ты хочешь меня увѣрить, что тебѣ неизвѣстно завѣщаніе стараго Мортэна Килья?

Док. Шток. Я знаю, что немного, что онъ имѣетъ, должно пойти на пріютъ для престарѣлыхъ бѣдныхъ ремесленниковъ. Но чѣмъ же это касается меня?

Бург. Начать съ того, что «немного, что онъ имѣетъ», далеко не бездѣлица. Мортэнъ Киль,—человѣкъ съ хорошими состояніемъ.

Док. Шток. Я это никогда и не подозрѣвалъ...

Бург. Гм! Въ самомъ дѣлѣ? Такъ, вѣроятно, ты не подозрѣвалъ, что не малая часть состоянія его должна перейти къ твоимъ дѣтямъ, и что ты и твоя жена будете получать пожизненные проценты съ капитала. Развѣ онъ не говорилъ тебѣ объ этомъ?

Док. Шток. Нѣтъ, честное слово! Напротивъ, онъ постоянно ворчитъ на чрезмѣрные налоги, которые ему приходится платить. Но увѣренъ ли ты въ этомъ, Петерь?

Бург. Я знаю это изъ источника вполне достовернаго.

Док. Шток. О, Боже мой, такъ жена обезпечена и дѣти тоже!—О! надо сказать ей... (Зоветь.) Катерина, Катерина!

Бург. (удерживая ея). Т-с! Подожди еще говорить объ этомъ.

Г-жа Шток. (отворяя дверь). Что такое?

Док. Шток. Ничего, дорогая; оставь насъ пока. (Г-жа Штокманъ затворяетъ дверь. Докторъ Штокманъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.) Обезпечены! И дѣти, и

жена! И на всю жизнь! Да, всетаки, ужасно отрадно быть обезпеченнымъ отъ нищеты!

Бург. Да, но все это еще не вѣрно. Мортэнъ Киль можетъ уничтожить свое завѣщаніе, когда ему только вздумается.

Док. Шток. Да, но онъ этого не сдѣлаетъ, милѣйшій Петерь. Барсукъ очень радъ поини нападкамъ на тебя и твоимъ нелѣпнымъ друзьямъ.

Бург. (встрепенувшись, глядя на него подозрительно). А - га! Это бросаетъ новый свѣтъ на многія вещи.

Док. Шток. Какія вещи?

Бург. Такъ вся эта исторія была — хитро подведенная интрига. Твоя безумно рѣзкая выходка—во имя правды, противъ административныхъ властей...

Док. Шток. Ну?

Бург. Все это—была выходка обдуманная—ради завѣщанія истиннаго стараго Мортэна.

Док. Шток. (пораженный). Петерь, ты самый подлый плебей, котораго я когда-либо встрѣчалъ въ жизни.

Бург. Все кончено между нами. Твоя отставка безвозвратна, теперь у насъ есть орудіе противъ тебя. (Уходитъ.)

Док. Шток. О, позоръ! позоръ! (Зоветь.) Катерина! Вымыть полъ послѣ него! Скажи чтобы она шла сюда съ ведромъ... эта, какъ бишь ее? чортъ побери—дѣвица съ запачканными носомъ...

Г-жа Шток. (у порога двери въ гостиную). Тише, успокойся, Томасъ!

Пэт. (также у порога двери). Папа, пришелъ дѣдушка; спрашиваетъ, можетъ ли онъ поговорить съ тобой наединѣ.

Док. Шток. Да, разумѣется. (У двери.) Войдите. (Входитъ Мортэнъ Киль. Докторъ Штокманъ затворяетъ за нимъ дверь.) Ну, въ чемъ дѣло? Садитесь.

М. Киль. Я не сяду. (Оглядываясь.) Очень мило у васъ и весело сегодня, Штокманъ.

Док. Шток. Да, неправда ли?

М. Киль. Очень мило; и какой притокъ свѣжаго воздуха! Наверное, у васъ теперь достаточный запасъ кислорода, о которомъ вы толковали вчера. Надо полагать, свѣсть ваша въ превосходномъ состояніи сегодня.

Док. Шток. Вы не ошибаетесь.

М. Киль. Ну, разумѣется. (Посланныя себя по круди.) Но знаете ли что у меня здѣсь?

Док. Шток. Тоже хорошая свѣсть, здѣсь.

М. Киль. Хе-хе! Нѣтъ; нѣчто болѣе цѣнное.

(*Вынимаетъ большой бумажникъ и показываетъ пачку бумагъ.*)

Док. Шток. (*млядя на него въ удивленіи.*)
Акціи морскихъ купаній!

М. Киль. Не трудно было достать ихъ сегодня.

Док. Шток. И вы купили ихъ?

М. Киль. На всѣ деньги, которыя имѣлъ въ рукахъ.

Док. Шток. Но какже такъ, какъ разъ когда купанья въ такомъ отчаянномъ положеніи...

М. Киль. Если вы поступите какъ человѣкъ разумный, дѣла купаній скоро опять поправятся.

Док. Шток. Вы сами видите, я дѣлаю все, что могу. Но здѣшніе жители съума спятили!

М. Киль. Вы сказали вчера, что всего болѣе нечистота проходитъ отъ моего кожевеннаго завода. Если такъ, то — и дѣдъ мой, и отецъ, ранѣе меня, и я самъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, мы отравляли здѣшній городъ. И вы полагаете, — я стерплю подобное обвиненіе?

Док. Шток. Къ несчастью, вы не можете отстранить его отъ себя.

М. Киль. Нѣтъ-съ, благодарю покорно. Я желаю сохранить свое доброе имя незапятнаннымъ. Я знаю, меня зовутъ «барсукомъ»; а барсукъ, я знаю, — нѣчто вродѣ свиньи. Но я хочу доказать, что они ошибаются. Я проживу и умру человѣкомъ добропорядочнымъ.

Док. Шток. Но что же вы сдѣлаете, чтобы оправдаться?

М. Киль. Вы оправдаете меня, Штокманъ.

Док. Шток. Я!

М. Киль. Знаете ли на какія деньги я купилъ эти акціи? Нѣтъ, конечно, — вы не знаете; но я вамъ скажу. На деньги, которые должны получить, по смерти моей, Катерина и ваши дѣти. Потому что, видите ли, — я кое-что и сконилъ.

Док. Шток. (*осталмозъ*). И вы купили эти акціи на деньги Катерины?

М. Киль. Да; весь капиталъ помѣщенъ теперь въ акціяхъ. И теперь посмотримъ, совѣмъ ли вы спятили съума, Штокманъ. Если вы будете попрежнему утверждать, что всѣ эти насѣкомые и разныя нечистоты протекаютъ съ моего завода, вы сами погубите жену вашу и дѣтей. Ни одинъ порядочный отецъ не сдѣлаетъ этого, — если только онъ не безумецъ.

Док. Шток. (*ходитъ въ волненіи по комнатѣ*). Да, но я именно такой безумецъ; да, — я безумецъ!

М. Киль. Не можетъ быть, чтобы вы были такъ безумны въ дѣлѣ, близко затрагивающемъ вашу жену и дѣтей.

Док. Шток. (*останавливаясь передъ нимъ*). Почему вы не переговорили со мной ранѣе чѣмъ купили всю эту дрянь?

М. Киль. Что сдѣлано, того ужъ не воротить.

Док. Шток. (*ходитъ по комнатѣ въ волненіи*). Еслибъ я не былъ такъ увѣренъ!... Но я вполне убѣжденъ, что не ошибаюсь!

М. Киль. (*беретъ бумажникъ*). Если вы упорствуете въ своемъ безуміи, бумаги эти ничего не стоятъ.

(*Кладетъ бумажникъ въ карманъ.*)

Док. Шток. Но, чортъ побери! Должна же наука найти какое-нибудь противоядіе, какое-нибудь предохранительное средство....

М. Киль. Вы думаете, — уничтожить этихъ насѣкомыхъ?

Док. Шток. Да, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ безвредными.

М. Киль. Нельзя-ли попробовать какой-нибудь отравы?...

Док. Шток. О, чепуха все это, чепуха!... Но если всѣ говорятъ, что это лишь одна моя фантазія, — пусть будетъ такъ! Пусть будетъ по ихъ желанію! Вѣдь эти невѣжественныя, безсердечныя твари поносили меня какъ врага народа! Вѣдь они готовы были разорвать на клочки мою одежду!

М. Киль. И они перебили вамъ воѣ окна!

Док. Шток. Нельзя не подумать и о семьѣ! — Я переговорю съ Катериной; у нея такое здравое сужденіе въ этихъ дѣлахъ.

М. Киль. Вотъ и прекрасно! Послѣдуйте со вѣту благоразумной женщины.

Док. Шток. (*Гитиво*). Но какъ могли вы поступить такъ безразсудно! Ставить на карту деньги Катерины и подвергать меня такой ужасной дилеммѣ! И какъ погляжу я на васъ, имѣ представляется, — я вижу самого дьявола искусителя!...

М. Киль. Если такъ, — прощайте. Но мнѣ нужно знать ваше рѣшеніе — да или нѣтъ, — въ два часа пополудни. Если *нѣтъ*, всѣ акціи пойдутъ на благотворительныя дѣла и не повднѣе, какъ сегодня же.

Док. Шток. А что же получить тогда Катерина?

М. Киль. Ни единого гроша. (*Отворяется дверь передней; входятъ Гюфстадъ и Аксманъ*). А-а! Посмотрите-ка на эту пачку.

Док. Шток. (*смотритъ на нихъ съ изумленіи*). Какъ! Они посѣли придти сюда!

Гофс. Да почему же нѣтъ?

Асл. Видите-ли, намъ нужно переговорить съ вами.

М. Киль (*шепотомъ*). Да или нѣтъ, — въ два часа.

Асл. (*переглянувшись съ Гофстадомъ*). А-га!

(*Мортэнъ Киль выходитъ.*)

Док. Шток. Ну что же вамъ нужно отъ меня? Объясните въ двухъ словахъ.

Гофс. Я понимаю, что вы недовольны нашимъ поведеніемъ на вчерашнемъ собраніи...

Док. Шток. Вашимъ поведеніемъ, говорите вы? Да, это было прекрасное поведеніе! Труссеть, достойная старой бабы. И вамъ не стыдно!

Гофс. Называйте это какъ хотите; но мы не можемъ дѣйствовать иначе.

Док. Шток. Вы не смѣли, конечно? Не такъ-ли?

Гофс. Да, если хотите.

Асл. Но зачѣмъ же вы заранѣе не ввели насъ въ секретъ? Хотя бы вы словохъ намекнули Гофстаду или мнѣ!

Док. Шток. Намекнулъ бы? О чемъ же?

Асл. О томъ, въ чемъ вся суть дѣла.

Док. Шток. Я васъ совсѣмъ не понимаю.

Асл. (*подмигивая, съ хитрымъ видомъ*). — О, вы отлично понимаете насъ, докторъ Штокманъ.

Гофс. И къ чему же еще дѣлать изъ этого тайну?

Док. Шток. (*смотритъ то на того, то на другою*). — Да что же значить все это, чортъ побори!...

Асл. Позвольте спросить васъ, — не скупаесть ли тестъ вашъ по всему городу акціи купаній?

Док. Шток. Да, онъ купилъ сегодня акціи купаній; но...

Асл. Было бы осторожнѣе сдѣлать это черезъ кого-нибудь другого, — черезъ лицо, не состоящее въ такомъ близкомъ родствѣ съ вами.

Гофс. И крохъ того, — вамъ не слѣдовало отказываться въ этомъ дѣлѣ подъ своимъ собственнымъ именемъ. Никому не слѣдовало знать, что нападеніе на морскія купанья исходило отъ васъ. Вамъ надо было посовѣтоваться со мной, докторъ Штокманъ.

Док. Шток. (*съ изумленіи, глядитъ прямо передъ собой; какъ будто свѣтъ озаряетъ его, и онъ смотритъ какъ пораженный громомъ*). Возможно-ли это?

Асл. (*умиаясь*). Да, разумѣется, возможно. Только такія дѣла слѣдуетъ обдѣлывать осторожно, — понимаете?

Гофс. И надо обращаться къ содѣйствію другихъ; потому что отвѣтственность падаетъ всегда легче, когда раздѣляется нѣсколькими лицами.

Док. Шток. (*спокойно*). Въ двухъ словахъ, господа, — что вамъ нужно?

Асл. Гофстадъ съумѣетъ лучше...

Гофс. Нѣтъ, объясните вы, Аслаксэнъ.

Асл. Такъ вотъ въ чемъ дѣло: теперь, когда мы знаемъ подкладку всего этого, мы полагаемъ, что можемъ рискнуть предложить въ ваше распоряженіе «Народный Вѣстникъ».

Док. Шток. Вы можете рискнуть. — да? Но какже общественное то нѣніе? Развѣ вы не боитесь бури, которая можетъ воспослѣдовать?

Гофс. Такъ или иначе, мы выстоимъ бурю.

Асл. А вамъ слѣдуетъ сохранить все ваше присутствіе духа. Какъ скоро нападеніе произведетъ свое дѣйствіе...

Док. Шток. Какъ скоро тестъ мой и я скупимъ за безцѣнокъ всѣ акціи, — вы хотите сказать?...

Гофс. Конечно, вѣдь вы, главнымъ образомъ, — на научномъ основаніи хотите взять въ свои руки управленіе морскими купаньями.

Док. Шток. Разумѣется; на научныхъ основаніяхъ я и засадилъ стараго барсука за дѣло. А затѣмъ, — мы подправимъ немножко трубы, подправимъ кое-какъ берегъ, — безъ того, чтобы это стоило единый грошъ городу. Вѣдь этого будетъ достаточно, — не такъ-ли?

Гофс. Я полагаю такъ, — если васъ будетъ поддерживать «Народный Вѣстникъ».

Док. Шток. А вы, г-нъ Аслаксэнъ, — вѣроятно отвѣчаете за Ассоціацію домовладѣльцевъ?

Асл. Да, — за Ассоціацію домовладѣльцевъ и за «Общество Трезвости». Вы можете на нихъ рассчитывать.

Док. Шток. Но, господа... мнѣ, право, совѣстно упоминать о такомъ предметѣ... но... какое-же вознагражденіе?..

Гофс. Конечно, мы предпочли бы оказать вамъ поддержку безвозмездно. Но «Народный Вѣстникъ» стоитъ не очень твердо; онъ не идетъ такъ, какъ было бы желательнѣе; а мнѣ было бы весьма прискорбно прекратить изданіе именнo теперь, когда такъ многое можетъ быть сдѣлано въ области политики.

Док. Шток. Разумѣется; это было бы очень тяжело для друзей народа, какъ вы. (*Гимнъ*

но.) Но я — я врагъ народа! (*Шагая по комнатѣ.*) Гдѣ моя палка? Да гдѣ-же она, чортъ поberi!

Гофс. Что вы?..

Асл. Надѣюсь, вы не хотите...

Док. Шток. (*останавливаясь передъ нимъ*).

А что если я не дамъ вамъ ни одного гроша изъ моихъ акцій? Не забывайте, что мы, богачи, не любимъ разставаться съ нашими деньгами.

Гофс. А вы не забывайте, что это дѣло съ акціями можетъ быть истолковано двоякимъ образомъ.

Док. Шток. Да, вы на это способны; если я не приду на помощь «Народному Вѣстнику», вы представите все дѣло въ гнусномъ свѣтѣ; вы станете преслѣдовать, — травить меня, какъ собака травитъ зайца.

Гофс. Это законъ природы, — каждый звѣрь долженъ отстаивать свое существованіе.

Асл. И брать пишу гдѣ онъ находитъ ее.

Док. Шток. Такъ ступайте же искать эту пишу гдѣ-нибудь по канавамъ. (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.*) Потому что теперь, клянусь всѣми святыми! — мы посмотримъ — кто самый сильный звѣрь изъ насъ троицъ. (*Отыскиваетъ свой дождевой зонтикъ и потрясаетъ имъ.*) Вотъ, я вась!..

Гофс. Что-же это — нападеніе!

Асл. Осторожиѣ!

Док. Шток. Вонъ сейчасъ въ окно, г-нъ Гофстадъ!

Гофс. (*бросаясь къ двери передней*). Да вы съума сошли!

Док. Шток. Вонъ — въ окно, г-нъ Аслаксенъ! Прыгайте, говорю вамъ! Да поживѣ!

Асл. (*бѣгая вокругъ письменнаго стола*). Успокойтесь, докторъ; я человекъ слабый; я не могу много вынести. (*Кричитъ.*) Помогите, помогите!

(*Г-жа Штокманъ, Пэтра, Горстеръ входятъ изъ гостиной.*)

Г-жа Шток. Боже мой, Томасть! что случилось?

Док. Шток. (*потрясая зонтомъ*). Прыгайте, говорю вамъ! Вонъ!

Гофс. Это ничѣмъ не вызванное нападеніе! Призываю васъ въ свидѣтели, капитанъ Горстеръ. (*Бросается въ переднюю.*)

Асл. (*обезумивши отъ страха*). Еслибъ хоть знать здѣшніе ходы!.. (*Проскальзываетъ въ дверь гостиной.*)

Г-жа Шток. (*удерживая доктора*). Опомнись, Томасть!

Док. Шток. (*бросая зонтикъ*). Наконецъ-то убрался!

Г-жа Шток. Но что-же имъ нужно отъ тебя?

Док. Шток. Я скажу тебѣ послѣ; теперь надо подумать о другомъ. (*Идетъ къ столу и пишетъ на визитной карточкѣ.*) Посмотри-ка, Катерина, что тутъ написано?

Г-жа Шток. Три «нѣтъ» огромными буквами; что это значить?

Док. Шток. И это я скажу тебѣ впоследствіи. (*Протягивая карточку.*) Вотъ, Пэтра; скажи горничной, чтобы добѣжала съ этикетъ къ Барсуку какъ можно скорѣе. Живо!

(*Пэтра беретъ карточку и выходитъ черезъ переднюю.*)

Док. Шток. Ну, кажется, у меня перебывали сегодня всѣ соглядатые дьявола. Но теперь, я отточу мое перо противъ нихъ пока оно обратится въ бодило; я обману его въ желчь и ядъ; я швырну чернильницей прямо въ ихъ башки.

Г-жа Шток. Да, но вѣдь мы же уѣзжаемъ, Томасть?

(*Пэтра возвращается.*)

Док. Шток. Ну?

Пэт. Я послала.

Док. Шток. Хорошо. — Мы уѣзжаемъ, говоришь ты? Нѣтъ, — будь я проклятъ; мы остаемся на нѣстѣ, Катерина.

Пэт. Какъ, — остаемся!

Г-жа Шток. Здѣсь, въ этомъ городѣ?

Док. Шток. Да, здѣсь; здѣсь — поле битвы; здѣсь — мы сразимся; здѣсь — я одержу побѣду! Какъ скоро моя пара будетъ приведена въ порядокъ, я пойду по городу отыскивать квартиру; надо же имѣть пристанище на зиму.

Горст. Это вы можете имѣть у меня.

Док. Шток. Въ самомъ дѣлѣ?

Горст. Да, разумеется. Мѣста у меня достаточно; при томъ, я рѣдко бываю дома.

Г-жа Шток. О, какъ вы добры, Горстеръ!

Пэт. Благодарю васъ.

Док. Шток. (*пожимая ему руку*). Благодарю васъ, благодарю! Одной заботой меньше. И сегодня же я засяду за работу. О, здѣсь ужасно много дѣла, Катерина! Хорошо, что въ моемъ распоряженіи все мое время; потому что вѣдь я уволенъ отъ должности...

Г-жа Шток. (*вздыхая*). Да, — я это ожидала.

Дом. Шток... И теперь они хотят отнять у меня и практику также. Но пусть их! Бѣдныя останутся при мнѣ, — тѣ, что не могутъ платить; и Боже мой! Имъ то всего болѣе и нужна моя помощь. Но клянусь! Они еще услышатъ обо мнѣ; я буду читать имъ проповѣди во всякій часъ дня и ночи...

Г-жа Шток. Другъ мой, ты, кажется, видѣлъ къ чему приводятъ эти проповѣди.

Дом. Шток. Ты удивительная, въ самомъ дѣлѣ, Катерина. Что-жъ мнѣ, — уступить поле битвы общественному мнѣнію и сплоченному большинству, и всей этой сволочи? Нѣтъ, благодарю покорно. При томъ, дѣлъ моя такъ пряма, такъ проста и ясна. Я хочу только внушить этимъ тварямъ, что либералы — самыя опасныя враги свободныхъ людей; что партійныя программы убиваютъ всѣ юныя, жизненныя истины; что соображенія цѣлесообразности перевертываютъ верхъ дномъ справедливость и нравственность, пока жизнь не сдѣлается омерзительной. Какъ вы полагаете, капитанъ Горстеръ, — неужели мнѣ не удастся выяснитъ это обществу?

Горст. Быть можетъ и удастся; самъ я не понимаю много толку въ этихъ вещахъ.

Дом. Шток. Такъ выслушайте меня! Надо, прежде всего, освободиться отъ вожаконъ партій. Потому что, видите ли, вожакъ партіи — все равно что волкъ, голодный волкъ; чтобы поддержать свое существованіе, ему необходимо ежедневно поглощать извѣстное количество мелкихъ животныхъ. Взгляните на Гофстада и Аслаксэна! Какую массу мелкихъ животныхъ они отполировываютъ по своему; или же калѣчатъ и уродуютъ ихъ, пока они сдѣлаются годными лишь на то, чтобы быть домовладѣльцами или подписчиками «Народнаго Вѣстника». (*Садится на край стола.*) Подойди ка сюда, Катерина; посмотри, какъ славно свѣтитъ сегодня солнце! И какой чудный свѣжій весенній воздухъ врывается въ окно!

Г-жа Шток. Да, Томасъ, еслибъ только мы могли прожить однимъ солнечнымъ свѣтомъ, да весеннимъ воздухомъ!

Дом. Шток. Ну, что жъ, — придется тебѣ стѣсниться, да урѣзываться въ чемъ можно, — и все уладится. Это послѣднее — моя забота. Но что беспокоитъ меня, такъ это что я не вижу человѣка достаточно независимаго и благодушнаго, чтобы послѣ меня взять въ руки дѣло.

Пэт. О, не заботься объ этомъ, папа; у тебя много времени впереди. — А, да вотъ и мальчики уже возвратились.

(*Эйлифъ и Мортэнъ входятъ изъ стѣной.*)

Г-жа Шток. Развѣ у васъ сегодня праздникъ?

Морт. Нѣтъ, но мы подрались съ другими школьниками во время рекреаціи.

Эйл. Неправда; они сами напали на насъ.

Морт. Да, и г-нъ Рерлуангъ сказалъ, что лучше намъ остаться нѣсколько дней дома.

Дом. Шток. (*соскакивая со стола.*) Теперь, я знаю что дѣлать, — право, знаю! Никогда ноги вашей не будетъ больше въ школѣ!

Мальчмнн. Какъ, — мы не пойдемъ больше въ школу!

Г-жа Шток. Но какже, Томасъ...

Дом. Шток. Никогда, говорю я. Я буду учить васъ самъ, — т. е. конечно, я не стану учить васъ всякой ерундѣ...

Морт. Ура!..

Дом. Шток. Но я постараюсь сдѣлать изъ васъ свободныхъ, благородномыслящихъ людей. Слушай, Пэтра, — ты должна будешь помочь мнѣ.

Пэт. Да, папа, я, конечно, помогу тебѣ.

Дом. Шток. И мы устроимъ школу въ той самой комнатѣ, гдѣ они повосили меня, какъ врага народа. Но надо достать еще нѣсколькихъ учениковъ. Мнѣ нужно, для начала, по крайней мѣрѣ, мальчиковъ 12.

Г-жа Шток. Ты никогда не найдешь сѣхъ учениковъ въ этомъ городѣ.

Дом. Шток. Посмотримъ. (*Обращаясь къ мальчикамъ.*) Не знаете ли вы какихъ-нибудь уличныхъ мальчишекъ... настоящихъ простыхъ оборванцевъ!..

Морт. Да, папа, я знаю очень многихъ.

Дом. Шток. Вотъ и прекрасно; приведи-ка мнѣ нѣсколькихъ. Я хочу начать свои опыты съ уличныхъ дворняшекъ; между ними попадаются иногда очень способныя.

Морт. Но что же мы будемъ дѣлать, когда ставемъ взрослыхъ — свободными людьми?

Дом. Шток. Вы прогоните волковъ далеко къ западу, дѣти мои.

(*Эйлифъ смотритъ съ недоумѣніемъ; Мортэнъ скачетъ по комнатѣ и кричитъ „ура“!*)

Г-жа Шток. Если только волки не прогонятъ тебя самого, Томасъ.

Док. Шток. Ты съума сошла, Катерина! Прогнать меня! М е н я, когда теперь самый сильный человекъ во всеяъ городѣ я!

Г-жа Шток. *(столмолося)*. Самый сильный теперь то?

Док. Шток. Да, я могу смѣло сказать: теперь—я одинъ изъ сильнѣйшихъ людей на землѣ.

Морт. Въ самомъ дѣлѣ, папа?

Док. Шток. *(столмолося)*. Т-с! Не говори-

те еще пока объ этомъ; но я сдѣлалъ великое открытiе.

Г-жа Шток. Какъ, — еще новое открытiе?

Док. Шток. Да, безъ сомнѣнiя. *(Собираетъ встѣхъ вокругъ себя и говоритъ конфиденциально.)*—Вотъ видите ли, что я открылъ: самый сильный человекъ въ этомъ мирѣ тотъ, кто остается одинокимъ.

Г-жа Шток. *(покачиваетъ головой, улыбаясь)*. Ахъ, Томасъ!..

Пэт. *(сочувственно схватываетъ отца за руки)*. О, да, папа!

